КРОКОДИЛ

ЛЕТОМ С ПРОХЛАДЦЕЙ, ЗАТО ЗИМОЙ С ОГОНЬКОМ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Ц. СОЛОДАРЬ

ВИТРИНЫ ПЕРВЫХ ЭТАЖЕЙ

Сверкают окна новоселов
К восторгу горделивых жен —
И каждый весел, счастлив,
молод,
Но каждый чем-то
раздражен.
Чем!
Тем, что здесь, в районе
новом,
Нет магазинов, мастерских,
Нет кафетерия, столовой.
Нет булочной, молочной —
Словом,
Торговых точек никаких.
Тоскливо!
Посудите сами:
Здесь восемь месяцев уже
Забиты наглухо досками
Витрины первых этажей!

Но вот мужей и жен
печальных
Созвали.
Все пришли на зов.
И заявил райторгначальник:
— Друзья, заверить вас готов,
Что будет все:
«Консервы», «Ткани»,
«Мороженое и пломбир».
Предусмотрели в нашем
плане
Мы даже малый «Детский
мир».
Да,— продолжал он с
увлеченьем,—
Откроют скоро двери вам
«Кефир и сыр», «Хлеб и
печенье»,
«Пальто» с «Плащами»
пополам.
А рядышком с «Галантереей»,
Напротив «Соков, вод и вин»,
Мы разместим — и поскорее!—
Комиссионный магазин.
Уютный ресторан откроем
И «Гастроном» наискосок,
«Колбасы», «Книги»,
«Чай», «Обои» —
Все будет,
Дайте только срок!

И срок пришел.
Как на смотрины,
Народ на улицу спешит:
До блеска вымыты витрины,
Но у витрин престранный вид:
Там, где планировались
«Моды»,
Трещат машинки райсовода,
Где намечался ресторан —
Райстатбюро, райздрав,
райплан.
А вместо «Хлеба и печенья» —
Районный трест хлебопеченья.
А место «Соков, вод и вин»
Облюбовал себе райфин,
Отдел культуры с пылу-жару
Освоил полки «Культтоваров»,
А там, где ждали «Трикотаж»,
Засел надолго арбитраж,
И рядом вывески горят:
Всех райкомиссий
пестрый ряд!
Что ж, магазин комиссионный
Вместил столы комиссий оных!
Толпа мужей и жен
печальных
К райторгначальнику спешит.
Но где же, где
райторгначальник!
Он, сохраняя гордый вид,
Уже переселился срочно,
Обосновался. В «Шляпах».
Прочно!

Леонид ЛЕНЧ

Прошу любить и жаловать

Мне позвонил Крокодил:
— Вы руководили семинаром юмора и сатиры на московском совещании молодых литераторов?

На всякий случай я поспешил перестраховаться:
— Да, не только я, но и В. Ардов, В. Санин, С. Шатров. Все мы занимались с молодежью...

— Вот и отлично. Я заинтересовался семинаристами и решил притянуть их на свои страницы.

— Боже мой, за что?

— По-видимому, за то, что они осмелились ступить на чреватую опасностями сатирическую стезю. Пусть познакомят читателя со своим творчеством. Это интересно и для них и для меня. Вот я и решил перетащить всех до одного на свои страницы. А вас прошу представить молодых юмористов моим читателям.

Когда Крокодил о чем-нибудь просит, выход один: исполнить его просьбу. Тем более такую приятную.

Думается, нет нужды представлять **Р. КИРЕЕВА, А. МОРАЛЕВИЧА** и **Е. МАТВЕЕВА.** Эта троица — фельетонисты-крокодильцы, крокодильский читатель хорошо знает их по многим фельетонам.

В. КАШАЕВ пишет короткие юмористические рассказы, публикуя их на страницах московских газет и журналов. Поучительность его сюжетов, надо полагать, объясняется тем, что он в прошлом учитель, преподаватель физики.

А эксцентрическая энергия сжатых и смешных рассказов **А. КУЧАЕВА** невольно заставляет вспоминать его бывшую профессию инженера-энергетика.

Вл. ВЛАДИН—пародист, сотрудник Клуба 12 стульев «Литературной газеты». На стул пародиста он пересел, покинув стул (и стол) сотрудника одного из московских научно-исследовательских институтов. Я не знаю, как к этой пересадке относятся коллеги Вл. Владина по институту. Что касается его новых друзей по сатире и юмору, то они довольны.

Тридцатилетний **А. РЫБАКОВ** изучал в университете историю, а закончив курс исторических наук, стал сочинять юмористические рассказы на современные темы. За это он ответит в свое время перед судом истории и — хочу надеяться! — выиграет этот процесс.

Н. БУЛГАКОВУ двадцать лет, он студент факультета журналистики МГУ. Внимательный крокодильский читатель, наверное, помнит его как Колю Булгакова, ученика 9-го класса, сотрудника «Зубастика», автора забавных рассказиков на школьные темы. Коля Булгаков подрос, стал Николаем, но не исправился: продолжает расти как юморист и сатирик.

А. ИНИН и **Л. ОСАДЧУК** пишут свои рассказы вдвоем, продолжая давно возникшую в нашем юморе традицию. В Харькове молодые юмористы выпустили свою первую книгу. Теперь А. Инин живет в Москве, он окончил ВГИК, а Л. Осадчук остался в том же Харькове. Тем не менее их творческое содружество продолжается.

Итак, прошу читателей Крокодила любить и жаловать молодых московских сатириков и юмористов. Они очень нуждаются в вашем одобрении и в вашей моральной поддержке.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

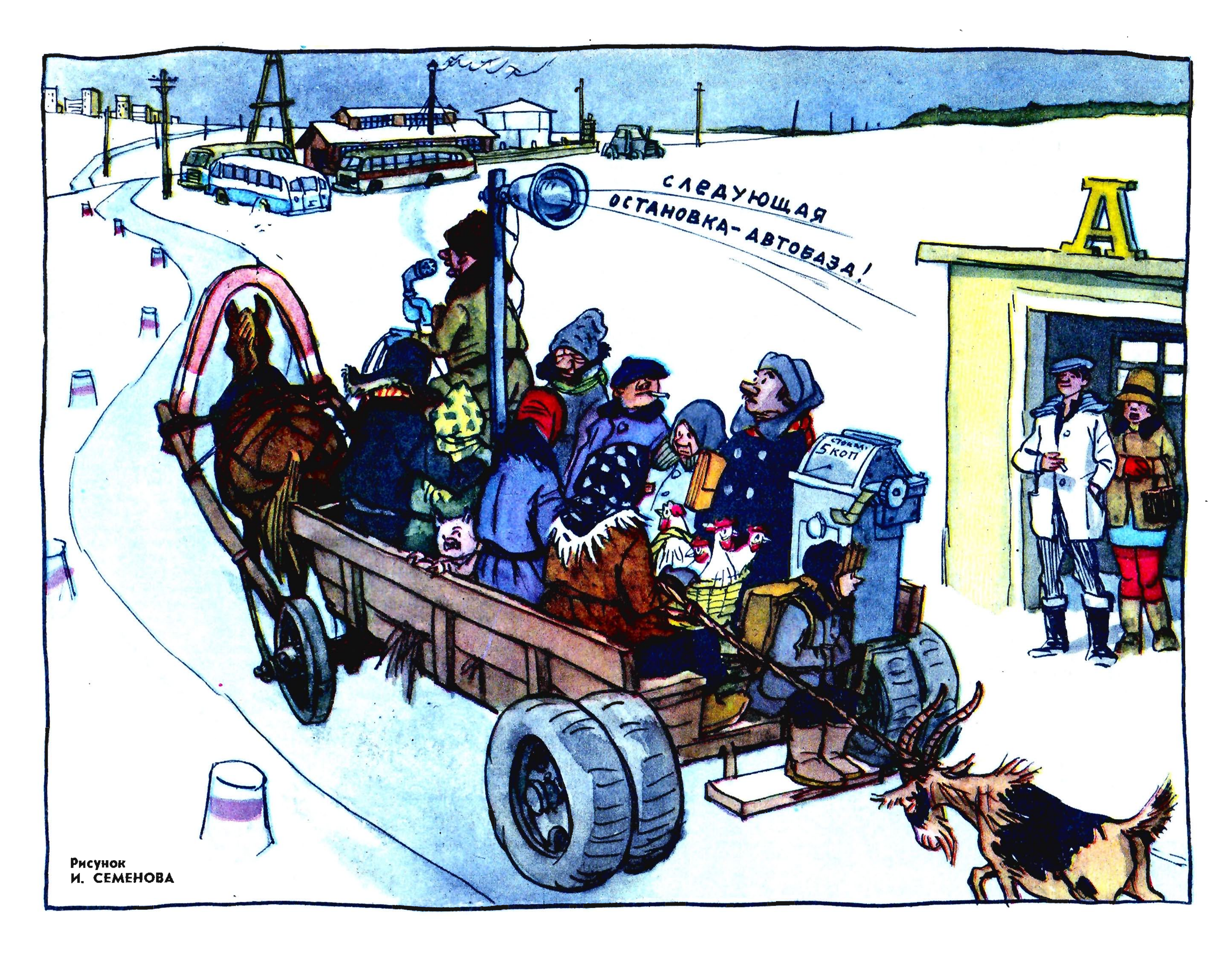

Рисунок И. СЕМЕНОВА

А. ВИХРЕВ

ПОБЛИЖЕ К ПРОГРЕССУ

Чумацкие возы поскрипывали на ухабах. Резво катились конки. Почтовые кареты взвизгивали рессорами...

Но это все было движение без ускорения. Тягловой силе природа поставила предел скорости.

Моторы же на испытательных стендах можно доводить до критических содроганий. Отсюда — ускорения. И уже к фантастическим, скопированным с рыбы иглы, электропоездам и суперавтомобилям приклепываются страховочные закрылки — поприжать к земле рожденных ползать, не дать им воспарить к облакам.

Впрочем, такие крайности наблюдаются пока только на переднем крае технического прогресса. Рядовой трудяга-трамвай по-прежнему не вправе раззвенеться до ураганной скорости, так же как и добродушному автобусу не дано достичь быстроты передвижения тайфуна.

Между тем весьма и весьма не терпится быть поближе к упомянутому переднему краю прогресса. Чтобы с веком наравне, ноздря в ноздрю с эпохой... Конкретнее — как бы это пришпорить трамвай, подхлестнуть автобус.

Вообще позыв непредосудительный. В конце концов график движения не закон природы, его можно и улучшить. Однако же, понятно, не за счет ускорения. Ускорение может обернуться дорожным происшествием и притом не обязательно пустяковым.

Но ведь есть, есть же выход! И совсем нестрашный. Что? Угадали. Надо ликвидировать часть остановок — вот скорость сама собой и повысится.

К такому именно умозаключению пришли любители прогресса из Краснодарского горисполкома. И для начала упразднили сразу 23 трамвайных, троллейбусных и автобусных остановки.

За всякой акцией такого рода неизбежно следует общественный резонанс. Выглянув поутру в окно и не заметив привычной остановки, горожанин может поступить двояко: то ли позвонить в исполком и срывающимся от радости голосом поблагодарить за то, что наконец-то исполнилась мечта его жизни, то ли, напротив, круто придвинуть к себе чернильницу и единым духом написать туда же суровую жалобу.

Краснодарцы избрали второй вариант. В горисполком пошли письма, преисполненные недоумения и смятения, за подписями чуть ли не целых микрорайонов. Например.

«При выезде на работу мы садились в трамвай на остановке «Площадь» и выходили на остановке «Кл. Цеткин». Теперь эти остановки сократили, и мы вынуждены затрачивать на дорогу лишние 15 минут, то есть добираемся на работу 55 минут вместо прежних 40,— ведь многие из нас живут за километр от трамвайной линии». (Более ста подписей.)

Но чеканная поступь прогресса неотвратима. И начальник горупркомхоза И. Корганов терпеливо, по-отечески растолковывает непонятливым, что «восстановление трамвайных остановок «Площадь» и «Кл. Цеткин» нецелесообразно», поскольку сокращение остановок произведено «с целью повышения скорости сообщения подвижного состава», каковое мероприятие «направлено на улучшение обслуживания населения городским пассажирским транспортом».

Мы понимаем, каким исполинским усилием воли тов. Корганов подавляет раздражение. Для них же, неразумных, стараешься, тащишь их поближе к быстроходной современности, а они же еще и ерепенятся.

Не меньше возмущается про себя и председатель исполкома города Абаза, что в Красноярском крае, тов. М. Юрьев. Геологи, понимаете ли, сами же, так сказать, передовой отряд, а тоже воротят носы от бодрящего дуновения прогресса.

А дело такое. В 1967 году на окраине Абазы раскинула свои шатры Абаканская геологоразведочная партия. Сразу договорились с исполкомом: сюда будут ходить автобусы. Поселок геологов ширился и года через два обзавелся даже собственной начальной школой, куда, кстати, ходят в основном ребятишки из города.

Раньше-то они в школу ездили, поскольку автобусный маршрут заканчивался как раз у школы. Ездят, правда, и сейчас, только примерно с километр не доезжают: тут автобус уже поворачивает обратно, и ребятня, поеживаясь от сибирского мороза, подогреваемого напористым ветерком, добирается до школы пешочком.

Зато имеются налицо бесспорные 10 (десять) секунд чистого времени, сэкономленных в среднем на каждую остановку. Что составляет в сумме аж две минуты экономии на каждый автобусный маршрут. Отчего, в свою очередь, за смену выигрывается целый рейс. Такой вот передовой почин проклюнулся в скромном городе Абаза.

Однако от этого почина произошло недовольство в умах граждан, чьи малыши теперь топают по морозу.

— Пускай брюзжат,— бестрепетно отрубил тов. Юрьев, узнав о недовольстве.— Время — это фактор. За отвоеванные секунды будем бороться!

Конечно, хотелось бы верить, что такая борьба не ведется во вред гражданам. Что самые простые доводы здравого рассудка без промедления вразумят ревнителей минутного прогресса. И что не сегодня-завтра все образуется.

В конце концов мы ведь не менее рьяные поборники прогресса, чем товарищи Корганов, Юрьев и другие. Мы не менее терпеливо, чем они, ждем появления сверхскоростных экипажей на наших транспортных артериях. И только одно опасение несколько охлаждает нас: как бы и тогда не сыскались сообразительные экономы, которые жаждут выиграть лишнюю секунду любой ценой. Даже ценой попрания здравого смысла.

И. АЛЛАХВЕРДИЕВ, Я. ПОЛИЩУК,
специальные корреспонденты Крокодила

Хочется обратиться к читателю с несколько прямолинейным вопросом: с чего начинается творчество?

Если верить младому поэту, с зефира, шелестящего в розах, с волнительного коктейля из соловьиных рулад и прочей лирической мелочи.

Если послушать маститого скульптора, с водружения мраморной глыбы на паркете мастерской, а затем отсечения от этой глыбы всего лишнего.

Если положиться на наблюдения нашего приятеля, есть, оказывается, в запасе и третий вариант: творчество начинается с выхода отдельных товарищей на руководящую орбиту. Нет, никто не собирается делать обобщений. Просто приятель подметил, что один индивидуум открыл в себе талант романиста точно с той минуты, как был назначен хозяйственным руководителем издательства, а другой ошеломил общественность сочинением колыбельных песенок, едва взял в руки кормило музыкального учреждения.

Здесь нет ничего ненатурального. По-видимому, дремавшие доселе таланты сразу же расцвели махровым цветом, оказавшись на хорошо удобренной почве.

Впрочем, материя эта столь тонкая, что хотелось бы отослать читателя к более осведомленным специалистам. Мы же собираемся приковать внимание к тому моменту, когда в Азербайджанский Дом народного творчества явился начальник одного из управлений республиканского министерства финансов.

Понятно, в бухгалтерии поднялся легкий переполох. И хотя главбух не чуяла за собой грехов, она тут же потянулась за пузырьком с валерьянкой. Представьте себе сами: по гулким коридорам ДНТ вышагивал не какой-нибудь ординарный ревизор с арифмометром под мышкой, а сам Рустам Алекперович Бабаханов.

Однако на этот раз он обошел кассовый сейф и направился прямиком к директору. После длительного ритуала, состоявшего из приветствий и чаепития, начальник управления сострадательно заметил, что самодеятельные музы нуждаются в поддержке. Директор дома запальчиво подтвердил, что да, нуждаются.

— Ну что ж, я лично позабочусь о субсидиях,— заметил начальник управления, давая понять, что пора снова перейти к ритуалу, состоящему из благодарностей и чаепития.

И вот где-то между пятой чашкой и седьмым бутербродом Бабаханов молвил, что он собирается обласкать самодеятельных муз не только материально, но и творчески. Кстати, здесь, в его портфеле, оказалась небольшая пьеса, созданная по прямому велению сердца.

Директор торопливо пробежал руководящую драматургию и слегка пошатнулся, но, вспомнив об обещанных субсидиях, постарался сохранить самообладание.

— Так где здесь у вас бухгалтерия? — деловито спросил Бабаханов. Видимо, помимо симпатий чисто творческого порядка, у него пробудился интерес и к финансовому аспекту драматического искусства. Во всяком случае, он пообещал в ближайшее время наведаться с новой пьесой.

Тем временем старший сотрудник ДНТ внимательно внедрился в пьесу и тоже пошатнулся.

— Да надо платить не автору, а тем, кто сумеет все это дочитать до конца!

— Вы что же,— мерцающим голосом сказал директор,— хотите, чтобы он из нас кишмиш сделал?! Мобилизуем самого закаленного редактора. Уломаем клубы. Глядишь, кто-нибудь и заслужит премии...

Однако, несмотря на обычный репертуарный голод, постановщиков долгое время сыскать не удавалось. Но это не обескураживало автора. С горячностью одержимого творчеством человека он поставлял все новые и новые свои произведения. Разумеется, Бабаханов требовал от других взаимности. Когда однажды произошла заминка с выплатой гонорара, начальник управления посулил прислать внеплановую ревизию. И хотя главбух по-прежнему не чуяла за собой грехов, она опять потянулась за валерьянкой.

Надо ли описывать, какой вздох облегчения пронесся по гулким коридорам ДНТ, когда стало известно, что Бабаханов ушел из министерства финансов?! Впрочем, этот вздох быстро перерос в шквальную панику: пришла депеша, что Бабаханов перебрался из министерства финансов на пост заместителя министра культуры.

— Амба! — гробовым голосом произнес директор дома.— Ждите теперь собрания сочинений...

Не прошло и квартала, как новый зам. министра потребовал директора ДНТ к себе — ему теперь было как-то неловко спускаться в низовую инстанцию. Состоялся примерно такой диалог:

— В свое время я дал вам пьесу «Гоншу»...

— Да, помнится, мы за нее заплатили семьсот рублей.

— Фи! — с роскошной небрежностью отмахнулся зам. министра.—Вспомните лучше, что в ней говорилось о пережитках старого. А потом я принес пьесу «Слава»...

— Да, помнится, мы за нее дали пятьсот рублей.

— Что это вы все время сбиваетесь с искусства на деньги?

— Я просто думаю об искусстве, которое требует жертв.

— Кого вы имеете в виду? — с подозрением спросил зам. министра.— Впрочем, вернемся к нашей «Славе». Итак, в ней говорилось о ростках нового. Процедив свое предыдущее творчество, я решил подняться на более высокую ступень. Вот, извольте, новая пьеса «Мы возвращаемся на родину». Здесь уже с пережитками старого борются ростки нового. Впечатляющий трехактный конфликт!

— Если конфликт впечатляет,— лакированным голосом сказал директор,— почему бы его не предложить профессиональной сцене?

— Профессиональная сцена подчиняется другому заму,— быстро отпарировал Бабаханов, давая понять, что пути для отступления отрезаны.

— Сколько? — пролепетал директор.

— Две тысячи.

— Слушаюсь и повинуюсь,— потерянно сказал директор, прикидывая в уме кассовую наличность.

Может статься, что кое-кто из читателей, пробежав эти строки, негодующе обрушится на директора Дома народного творчества. Дескать, что это за мягкотелость у руководителя местных самодеятельных муз? Все правильно. И мягкотелость есть, и бесхребетность имеется. Но скажите, уважаемые негодующие читатели, у многих ли достанет твердости духа не спасовать перед лицом вышестоящих дарований? Так что не будем судить слишком строго, тем более что в конце концов и наш директор проявил известное мужество.

Дотошно изучив новую пьесу, директор всполошился. От впечатляющего трехактного конфликта на него повеяло чем-то очень знакомым. После тягостного раздумья пьеса была послана экспертам. И через несколько дней в ДНТ пришло письмо, подтверждавшее худшие опасения директора.

«...Предложенная вначале как одноактная пьеса под названием «Слава», она вторично представлена Дому народного творчества под новым громким названием «Мы возвращаемся на родину», хотя автор добавил три ничего не значащих для сюжета образа и искусственно расширил пьесу до трех действий... Поступки героев повисают в воздухе, тема решена поверхностно, ряд образов схематичен и неоригинален...».

— Так вот что он имел в виду под борьбой нового со старым! — догадливо вскричал директор. Собрав остатки мужества, он набросал автору письмо. Оно выглядело несколько суховато для взаимоотношений между двумя творческими личностями. Но, может быть, когда дело касается наличных, допустим и некоторый бюрократизм?..

«Экспертиза установила, что пьеса «Мы возвращаемся на родину» является повторением пьесы «Слава» с увеличением объема... Изменив название пьесы, Вы фактически ввели нас в заблуждение. Однако за вышеуказанные пьесы Вы получили авторский гонорар как за оригинальные произведения. Республиканский Дом народного творчества предлагает внести 2 200 рублей, полученные Вами за пьесу «Мы возвращаемся на родину», в госбюджет и просит сообщить нам дату и номер документа о погашении задолженности».

— Так что он сказал в ответ? — поинтересовались мы у директора ДНТ, когда узнали об этом впечатляющем конфликте.

— Пообещал прислать внеплановую ревизию... Главбух, можно сказать, на одной валерьянке держится...

Тогда мы решили справиться о дате и номере сами. Рустам Алекперович Бабаханов удостоил нас подобающим ритуалом, состоявшим из приветствий и чаепития. Где-то между третьей чашкой и пятым бутербродом он заговорил о многогранности своей натуры. И хотя изъяснялся он несколько туманно, но основная мысль, в общем, доходила.

— Как бывший финансист, я хотел бы подчеркнуть, что совершенно лишен корысти. В моей биографии зафиксирован случай, когда я написал слова для праздничного марша абсолютно бесплатно...

— Потрясающе! Ну, а как же с возвращением денег?

— Как бывший издательский деятель, должен пояснить, что каждый автор имеет право на дополненное и исправленное издание своего произведения. Даже эти злонамеренные эксперты подтверждают, что я ввел в пьесу новые образы.

— Но ведь пьеса-то неоригинальна.

— Как неоригинальна?! Вы только вглядитесь — какие образы! Какая глубокая идея! Один мой сотрудник даже прослезился: «До вас, почтенный Рустам Алекперович, таких публицистических высот достигал разве только Константин Симонов!» И в конце концов как зам. министра культуры я имею моральную основу для творчества?

Что тут спорить? Конечно, имеет. Но не подорвал ли Бабаханов эту самую моральную основу тем, что рассматривает подведомственных муз как близких приятельниц, а государственную казну — как собственный лицевой счет?

ГУРТОМ...

На Украине молвится: «Гуртом и злого батька побить можно». Вот, наверное, почему и объединились одиннадцать молодых украинских сатириков и юмористов, чтобы побить карьериста и пролазу, псевдоноватора и зажимщика критики... Объединились и выпустили в киевском издательстве «Радянський письменник» сборник поэтических миниатюр под названием «Смешинки».

С некоторыми молодыми авторами читатели знакомы по «Перцу» и «Крокодилу», иные выступают как дебютанты, но хочется перечислить все одиннадцать фамилий: А. Гарматюк, Г. Зралко, В. Иващенко, В. Кравчук, П. Ларин, В. Левицкий, Б. Мироненко, В. Оверчук, И. Сичовик и Д. Солодкий, А. Торлюн.

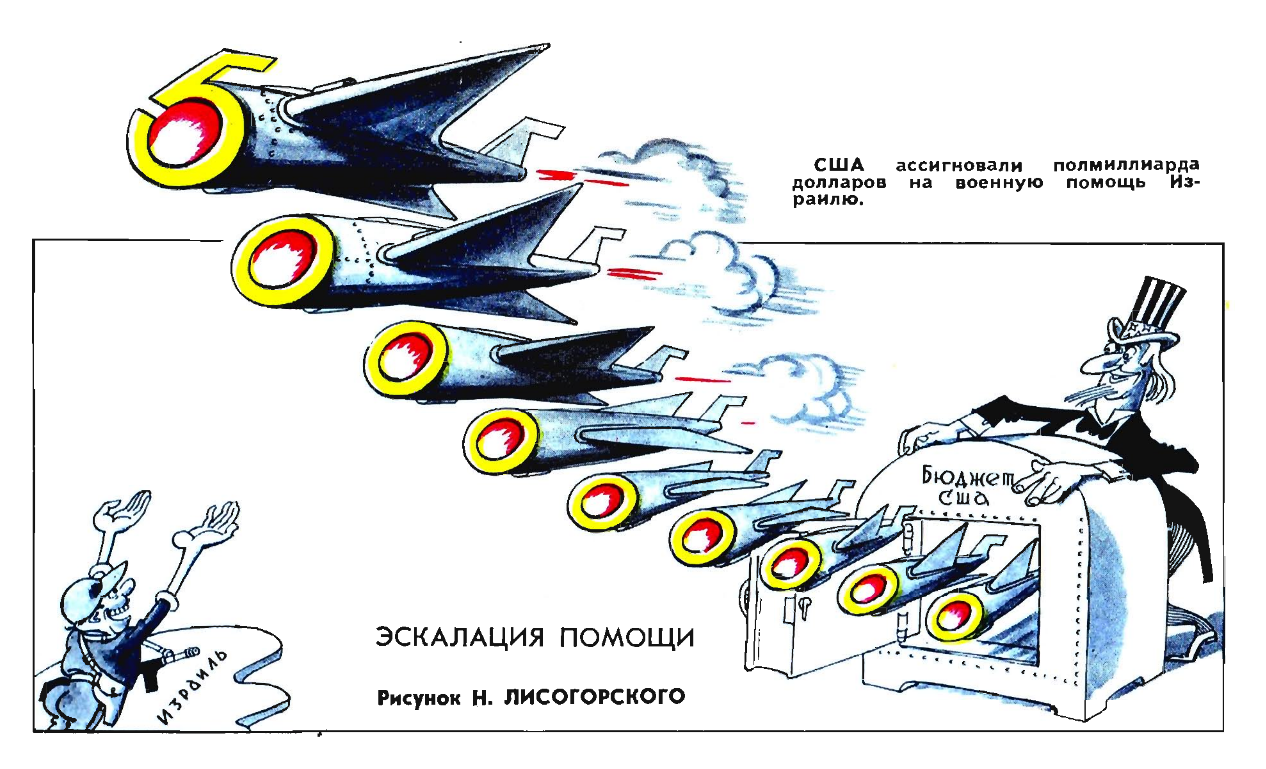
«ДОМ НАЧИНАЕТСЯ С ПОРОГА...»

У Шамирзы Шаалимовича был очень серьезный недостаток: во сне он храпел. Храпел ужасающе, словно дюжина лесопилок. От этого умопомрачительного храпа сам Шамирза Шаалимович просыпался в холодном поту. Однажды какой-то заезжий человек, неосторожно остановившийся в одном номере гостиницы вместе с Шамирзой Шаалимовичем, стал под утро заикаться.

Всю жизнь Шамирза Шаалимович стыдился этого своего недостатка. А сейчас возликовал. Дело в том, что он ненавидел своего помощника Турдыбека и жаждал хоть как-то доставить ему неприятность.

И вот Шамирзу осенила идея: он возьмет своего помощника с собой в командировку, остановится с ним в одном номере... Адские муки, если только они существуют, ничто в сравнении с тем, что уготовано помощнику!

Ну, а что произошло дальше, вы узнаете, прочитав рассказ «Стальная воля», который вошел в новую книжку писателя-сатирика Самига Абдукаххара «Дом начинается с порога...». Сборник вышел в Узбекском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма.

США ассигновали полмиллиарда долларов на военную помощь Израилю.

ЭСКАЛАЦИЯ ПОМОЩИ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

На снимке из журнала «Тайм»: американский безработный подает заявление с просьбой о назначении пособия.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ВОЙНА В АРМИИ

Репортер американской армейской газеты «Старс энд страйпс» стоял перед шеф-редактором по стойке «смирно» и шмыгал носом. Шеф читал его репортаж.

— У вас насморк?—мрачно спросил шеф, не отрываясь от рукописи.

— Никак нет!

Репортер шмыгнул.

— Ага, теперь я знаю, почему вы нервничаете,— ехидно сказал шеф.— Если бы я написал подобную околесицу, я бы тоже, наверное, зашмыгал. Что это такое?

— Репортаж о положении в наших воинских соединениях. Беспристрастное изложение событий.

— А кому она нужна, эта ваша беспристрастность?! — Редактор газеты «Старс энд страйпс» принялся читать вслух:

«Обстановка в нашей стовосьмидесятитысячной армии, расквартированной в Западной Германии, чрезвычайно серьезная. Задача экспертов — дать беспристрастную картину положения...»

Шеф поднял налитые кровью глаза на не в меру честного автора.

— Экспертов? — жестко сказал он.— Вы еще хотите накликать к нам экспертов?

Репортер шмыгнул носом.

— Молчите? Передо мной вы молчальник, а здесь,— шеф потряс рукописью,— здесь вы выбалтываете секреты нашей доблестной армии: «Безупречная репутация Седьмой армии оказалась подмоченной расовыми беспорядками. Некоторые из них вылились в кровавые столкновения между белыми и неграми. В Швайнфурте группа солдат-негров заставила местные власти освободить из-под ареста негров-военнослужащих, задержанных незаконно. Негры жалуются на оскорбления со стороны белых военных полицейских и угрозы унтер-офицеров, заявляющих с издевкой: «А подай-ка мне нигера!» На днях вблизи казарм в городе Мангейме был обнаружен горящий крест на манер ку-клукс-клановского. Подобные инциденты имели место еще на двух базах... А на крупной базе в Хейлбронне под толстым слоем льда был обнаружен труп негра-капрала. Негры жалуются на отсутствие продвижения по службе. Они утверждают, что негры имеют больше шансов отправиться во Вьетнам, чем белые...»

Шеф оторвал тяжелый взгляд от рукописи.

— Хватит! Откуда вы все это взяли?

— Из донесений командиров частей. Это все факты.

Шеф презрительно оглядел подчиненного.

— Факты! Есть только один неопровержимый факт. Это то, что вы даете пищу коммунистической пропаганде.

Репортер быстро зашмыгал носом.

Склонившись над рукописью, шеф развинтил самопишущую ручку.

— Посмотрите, как это делается, это вам пригодится в будущем. Всюду вычеркиваем черных, и вопрос о расовых конфликтах снимается сам собой.

Шеф быстро расправился с рукописью и самодовольно прочитал:

«Безупречная репутация Седьмой армии оказалась подмоченной беспорядками. Некоторые из них вылились в кровавые столкновения. В Швайнфурте группа солдат заставила местные власти освободить из-под ареста военнослужащих. Солдаты жалуются на оскорбления со стороны военных полицейских и угрозы унтер-офицеров. На крупной базе в Хейлбронне под толстым слоем льда был обнаружен труп капрала. Солдаты жалуются на отсутствие продвижения по службе. Они утверждают, что имеют все больше шансов отправиться во Вьетнам»... Ну вот, теперь чудненько. Сдаю в набор!

Репортер от восторга перестал шмыгать носом.

На следующий день солдаты передавали газету из рук в руки.

А в это самое время шеф-редактор газеты стоял по стойке «смирно» перед высшим начальством армии. Начальство потрясало газетой и стучало кулаками по столу.

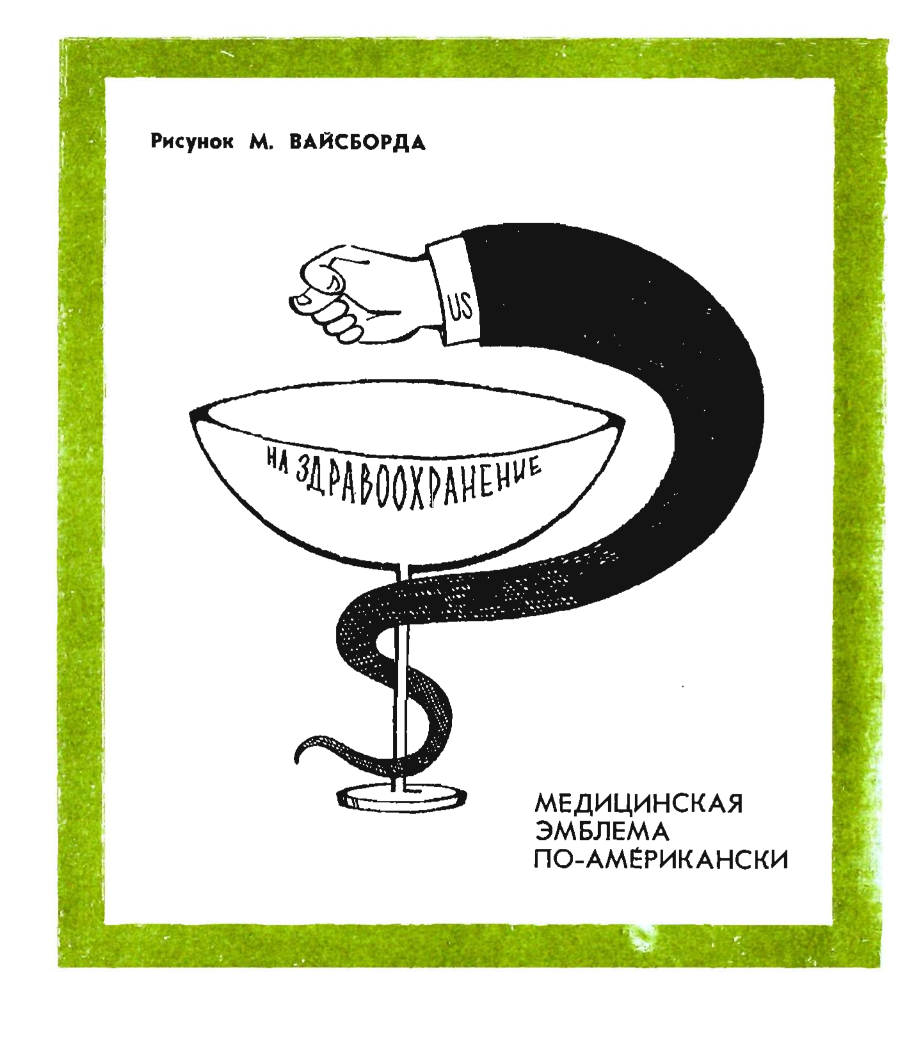
Высшее начальство имело причины сокрушаться. Расовые беспорядки в армии — это еще куда ни шло. Такое в Пентагоне как-нибудь снесут, привыкли, слава богу. Но беспорядки вообще, в которых участвует вся армия...

Редактор молчал и только шмыгал носом...

ЛЮССХАЙМ (ФРГ). В местной газете «Люссхаймер нахрихтен» под рубрикой «Церковные сообщения» опубликована благодарность «пастора Швальке всем дамам и господам, кои при сборе пожертвований проявили щедрость». Тем же, кто «злонамеренно ничего не дал», добрый пастор пожелал, чтобы «головы их были полны вшей, а руки были бы слишком коротки, чтобы чесаться».

ТЕЛЬ-АВИВ. Аксель Цезарь Шпрингер, известный западногерманский издатель, не перестающий вести «крестовый поход против коммунизма» и помогавший некогда Гитлеру уничтожать печатным словом «большевиков и евреев», избран почетным членом Вейцмановского института в Реховоате. Так израильские власти отметили его «положительное отношение к еврейскому народу и государству».

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

МЕДИЦИНСКАЯ ЭМБЛЕМА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Вл. МИТРОФАНОВ

БАВАРСКИЙ БРАКОНЬЕР

В этот вечер в мюнхенской пивной «Хохбройхауз» было как никогда шумно. Бывшие фашисты, а ныне члены национал-демократической партии праздновали успех Франца Иозефа Штрауса на земельных выборах в Баварии.

— Зиг хайль! Хайль Штраус! Нам нужен такой человек! — неслось под сводами пивной.

Взопревшие хряки с челками «а-ля фюрер» горланили нацистские песни, стучали кружками, сталкивались потными лбами.

А что же он, их кумир? О, он держался так, словно спертый дух пивнушек претил ему. Вот дословно его высказывание:

— Я увлекаюсь альпинизмом и охотой. По воскресеньям меня тянет на лоно природы.

Всего двумя штрихами набросал человек свой портрет, а как красиво! Перед нами румяный друг невинных наслаждений и зеленых насаждений. Остается лишь уточнить, на какие вершины карабкается Франц Иозеф Штраус, кого он держит на мушке и какова природа той природы, куда так тянет лидера баварского «христианско-социального союза».

Штраус действительно увлекается охотой и считается неплохим стрелком. Но пока что ему дьявольски не везет. Вот уже почти двадцать лет безуспешно выслеживает он заветное четвероногое, имя которому — кресло канцлера. Вершина, куда взбирается Штраус,— канцлерский дворец Шаумбург в Бонне.

Погоню за богатым трофеем Штраус ведет с помощью своих друзей из баварской партии ХСС. Нужно отдать им должное — они ретиво выполняют обязанности егерей, загонщиков и собак.

Иногда Штраус откладывает винчестер и берется за лопату. Недавно, например, он вырыл большую ловушку, прикрыл ее хрустящими западногерманскими марками и, затаив дыхание, залег в кустах. Хитроумный Штраус задумал подкупить депутата правительственной партии Гельднера, переманить его на сторону ХСС и свалить таким образом правительство Брандта. За переход в ХСС Гельднеру было обещано 400 тысяч марок наличными. И не только. Неуемный охотник, забыв об осторожности, выдал Гельднеру собственноручно подписанный документ, гарантирующий ему место в бундестаге следующего созыва.

Но на этот раз в ловушку попался (не рой яму другому!) сам Штраус. Гельднер оказался подсадной уткой. Переговоры со Штраусом он вел с ведома руководства своей партии. О штраусовских происках прознала пресса, и Франц Иозеф схлопотал заряд газетной соли в ягодицы.

Желанное недосягаемое четвероногое в который раз ушло из-под носа, прогарцевало на точеных ножках, изогнув кокетливо спинку.

А впрочем, какие пустяки! Так, заурядный случай на охоте. Когда Штрауса в бытность его министром обороны изобличили как взяточника, шуму и газетной пальбы было не меньше. Так что ему не впервой. И вообще о каком таком канцлерском кресле идет речь?

— Мысль о том, что я могу быть избранным на этот пост, вызывает у меня внутренний ужас... Лучше я буду выращивать ананасы на Аляске, чем стану федеральным канцлером в Бонне. Мои интересы стали гораздо более человечными.

Так заявил Штраус, и голос его звучал сладко и мирно, словно манок, коим приманивают дичь. Однако охотники отличаются адским терпением, чего нельзя сказать о Штраусе. Он то и дело срывается.

Отбросив в сторону сладкозвучный манок, он выпрыгивает из засады и визжит, как раненый кабан:

— Я сживу со света того, кто попробует помешать мне прийти к власти!

Это тоже подлинные слова Штрауса.

Итак, с одной стороны, перед нами кроткий садовод-селекционер, весь в мечтах о морозоустойчивых ананасах, с другой — безжалостный горлохват, готовый идти по трупам к своей цели. Какими же принципами все-таки руководствуется герр Франц Иозеф Штраус?

Для охоты на крупную дичь нужна, конечно, приманка. Штраус это знает. И он вытащил на свет затасканный лозунг антикоммунизма. Авось, клюнет!

— Тень Москвы над Европой становится более длинной,— зловеще шепчет Штраус, стращая западных немцев.

Он возглавил все темные силы ФРГ, выступающие против договора между Советским Союзом и ФРГ.

Подняв палец кверху, Штраус многозначительно изрек:

— Для Советского Союза этот договор является орудием диктата...

Не подумайте, однако, что сам охотник, альпинист и специалист по ананасам отворачивается от Востока и даже глядеть в нашу сторону не желает. Нет, отчего же? У него есть свой собственный план установления контактов с Востоком.

— Надо найти такую форму сближения,— публично рассуждает Франц Иозеф,— с помощью которой можно было бы ослабить изнутри и сломить также изнутри мирными средствами международную организацию коммунистической империи.

Всего лишь...

Когда идет гон, собаки заливисто брешут — это любой загонщик подтвердит. Штраусова охота за канцлерским креслом проходит под визгливый, оглушительный аккомпанемент. Громче всех лает сам главный охотник — он успешно совмещает профессии загонщика и гончей.

Штраус обвинил правительство Брандта в том, что оно якобы «предает немецкие интересы». Штраус приписывает правительству Брандта сознательный курс «на создание в Германии социалистического строя, чтобы сделать ФРГ социалистическим ядром социалистического сообщества государств в Европе».

Так охотник за креслом канцлера, озлобленный неудачными попытками добыть желанный трофей, превратился в опасного браконьера.

Его антикоммунистические приманки сделали свое дело. На любимый, волнующий запах к Штраусу потянулась свора реваншистов всех оттенков коричневой масти — так называемая внепарламентская оппозиция. Во всех десяти землях ФРГ народились «кружки друзей христианско-социального союза».

Парламентская оппозиция, ведомая Штраусом, и внепарламентская оппозиция во главе с Адольфом фон Тадденом жадно обнюхали друг друга и, ко взаимному удовлетворению, снюхались. Их роднит неприязнь не только к коммунизму, но даже к буржуазной демократии.

— Я хочу свободы, справедливости и благополучия для немецкого народа, даже если этого придется добиваться с автоматом в руках! — рычит Штраус.

Сомнений нет — мы слышим типично нацистскую демагогию. И, естественно, фюрер неонацистов Адольф фон Тадден радостно откликается:

— Если сегодня нам еще трудно заключить со Штраусом союз в масштабах всей Федеративной республики, то в Баварии, как я надеюсь, это скоро станет возможным.

А Штраус и не думает открещиваться от дружбы с таким матерым ловчим, как фюрер НДП.

— Меня никогда не интересовало, пользуется ли фон Тадден зубной щеткой, чтобы потом из-за этого отказаться от ее применения,— заявил Штраус в интервью журналу «Шпигель».— Мы будем стремиться привлечь на свою сторону часть избирателей НДП.

Да что уж там зубная щетка! Штраус и Тадден готовы одной сапожной щеткой глянцевать кованые сапоги и одним гребнем начесывать на лоб косую прядку...

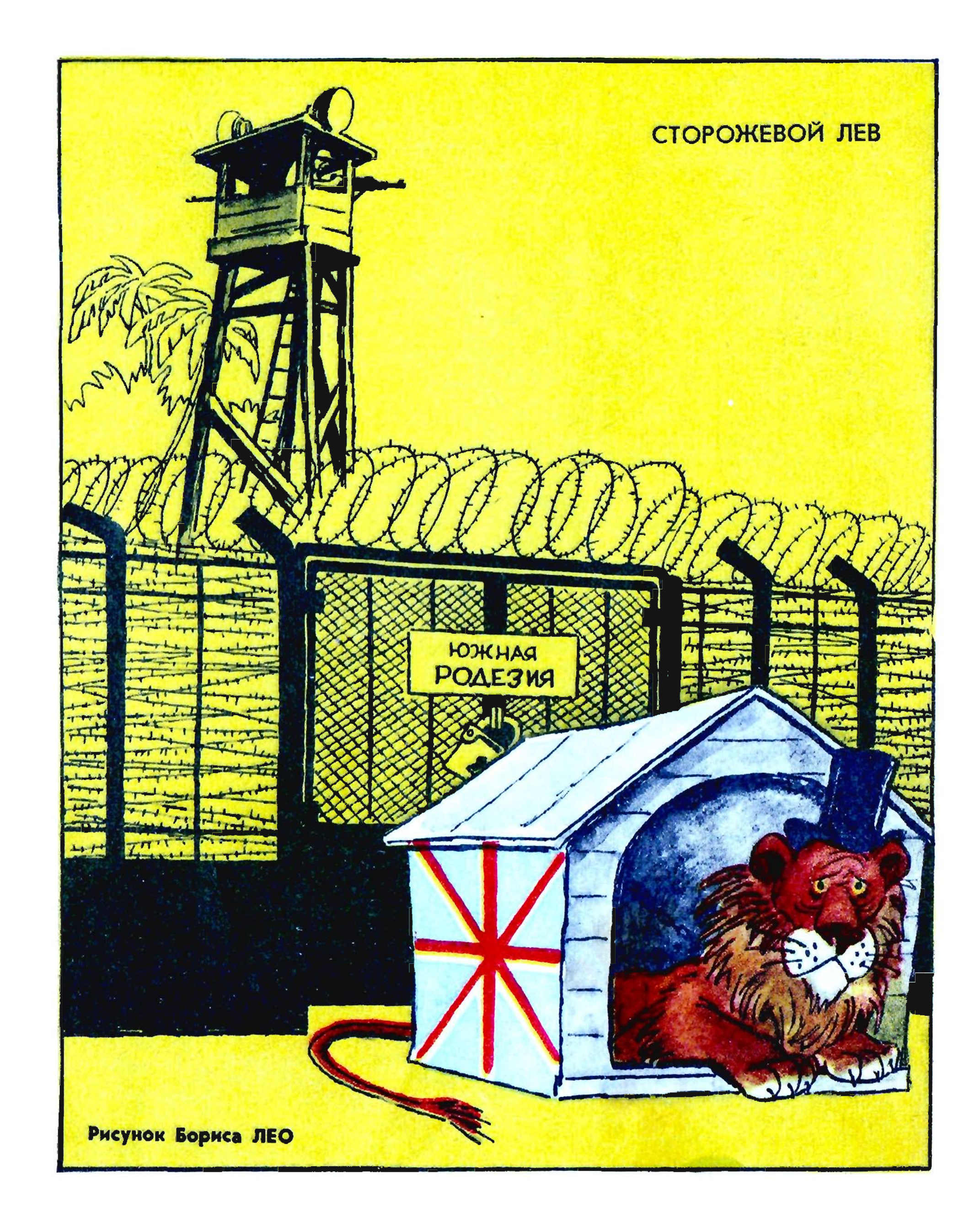

Рисунок Бориса ЛЕО

МОСКВА ✿ СЕМИНАР МОЛОДЫХ САТИРИКОВ

Е. МАТВЕЕВ

РЫБА, НО С ДУШКОМ

— Значит, так,— сказал я продавщице.— Мне, это самое, рыбки мне бы, но только, это самое, не свежей, а, наоборот, с душком как бы... Есть такая?

— Шутить дома надо! — сказала мне продавщица.— Говорите побыстрее, что вам нужно!

— Тухлую рыбу.

— Так-так,— посмотрела мне в глаза продавщица.— Ага.— И, обернувшись, покликала: — Кузьма Эдуардович!

Ей-богу, так и покликала: «Кузьма Эдуардович!» Видимо, заведующего.

«При таком-то имени-отчестве — с усами, небось!» — подумал я про него, но, однако,— ошибочно. Без усов пришел покликанный Кузьма Эдуардович, а продавщица сказала про меня так:

— Вот, Кузьма Эдуардович, к вам пришли.

— Ничуть,— возразил я.— Не к нему я пришел, а, наоборот, к вам и прошу у вас несвежую рыбу.

— Так-так,— сказал на это и Кузьма Эдуардович.— А вы, товарищ, откуда?

— В Балаклаве я родился,— сказал я ему.

— Говорит, будто мы подпорченную рыбу подсовываем покупателям,— возвела на меня напраслину продавщица.

На это мы с Кузьмой Эдуардовичем прямо-таки воедино отреагировали.

— Ну что вы! — сказал я продавщице.— И вовсе вы не подсовываете!

— Ну что вы! — сказал Кузьма Эдуардович мне.— И вовсе мы не подсовываем!

— Вот я и говорю: не подсовываете,— сказал я им обоим.

— Довольно препираться! — сказала нам троим женщина, стоявшая позади меня в очереди.

— Действительно! — поддержали в очереди.— Не мешайте стоять в очереди!

— Да я ничего,— сказал я.— Берите пока что.

И пока дама выбирала крупную селедку, Кузьма Эдуардович признался мне:

— Тогда я не понимаю, зачем вам несвежая рыба.

— Да так,— объяснил я.— У меня дома медвежонок, а ихнему брату возьми да подай полупротухшую рыбу. С душком, в общем.

— А зачем вам медведь? — спросил Кузьма Эдуардович.

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок,— поправил я.

— А если вырастет?

— Тогда будет есть совсем много совсем протухшей рыбы,— пошутил я для Кузьмы Эдуардовича.

— И зачем людям медведи? — не дошла до него шутка.

Но теперь я не успел его поправить в том смысле, что это не медведь, а медвежонок, потому что дама с селедкой сказала мне:

— Вы что же, думаете, без вашего медведя...

— Медвежонка,— успел я поправить даму.

— ...что без вашего медведя,— стояла на своем дама,— магазин не знал бы, кому сплавить тухлятину?!

— Без намеков, пожалуйста! — сказал ей Кузьма Эдуардович.— Оснований не имеете!

Мне бы наплевать на их дальнейший разговор, а я, дурак, не наплевал, прислушался. А в это время продавщица вместо меня следующим покупателем занялась, железнодорожником каким-то... А ко мне еще, плюс ко всему, привязался некто приземистый.

— Почем за медведя платил? — спросил он, назвав меня другом.

Мне бы тут и на него наплевать, да я опять не наплевал.

— Сам,— сказал я ему,— поймал. Еще медвежонком.

— А пополам не желаешь? — сказал он тогда.

— Как? — не сразу понял я.— Кого пополам?

— Бутылку же.

Хотел я ему было соврать, что, мол, непьющий я, но тут отоварившийся, в свою очередь, железнодорожник, в свою же очередь, и о медведях забеседовал.

Он, видите ли, при себе ружье возит, и однажды, видите ли, их поезд остановился на разъезде. А тут тебе тайга. Медведи тут. Ну, один возьми да и выйди зачем-то к поезду. Ну, а железнодорожник этот возьми да и — бац медведя наповал. Шкуру с него — долой, тушу — в вагон-ресторан, а там не берут. Как оформлять — не знают. Медвежья, говорят, эта ваша услуга.

— Долговато вы что-то на разъезде застряли,— усомнился я на это.

— Да семафор! — махнул рукой железнодорожник.— Ну его!.. Совсем красный горел... А вообще-то вы своего медведя в зоопарк сдайте...

— Рублей тридцать дадут,— поддержал его приземистый друг, желавший пополам.— А может, и не дадут.

— Рыбу они действительно едят,— сказал железнодорожник,— а потом сами рыбой воняют.

— Ну, так как насчет этого? — напомнил друг, указав в сторону штучного отдела.

— Отойдите от прилавка! — прикрикнула тогда продавщица.— На троих соображать дома надо!

— Значит, ты с нами? — спросил друг у железнодорожника.

— Полтинник только остался,— пожалел себя железнодорожник.

— А я непьющий,— наконец-то соврал я.

— А вот как раз старшина идет! — злорадно сказала продавщица.

— В чем дело? — неохотно подошел милиционер с авоськой.

Я объяснил, а друг с железнодорожником удалились.

— На вашем месте я бы завел собаку,— посоветовал милиционер.

— Овчарку, что ли?

— На вашем месте я бы завел боксера. Исключительно умное животное. Только вот соседи могут проявить недовольство. Зачем, могут спросить, вам собака.

— Действительно,— сказал я.— Зачем мне собака?

— А медведь зачем?

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок. Ну, он у меня для красоты, в случае чего...

— Вот в случае чего мы вас и оштрафуем,— пообещал милиционер. Хорошо еще — адрес не спросил.

А с рыбой теперь так получилось. Народ в очереди уж сменился, и очередь сразу же запротестовала: «Куда без очереди!»

— Да я уже стоял,— пояснил я этим людям.— Спросите продавщицу!

Но меня не она выручила, а Кузьма Эдуардович, снова появившийся у прилавка.

— Вы еще здесь? — удивился он.— Я вам вот что посоветую. Раз вам нужна рыба несвежая, вы возьмите свежей и испортьте ее. Я вам подскажу, как это делается...

— Дело нехитрое,— сказал я.— Но мне бы прямо сегодня хотелось...

— Очень нехитрое,— поддержал Кузьма Эдуардович.— Полежит в тепле денька тричетыре... Людочка, завесьте товарищу тресочки!..

И Людочка завесила мне тресочки.

Я домой пошел.

У выхода тот самый друг остановил меня и спросил:

— Друг, а тебе шиферу не надо?

После чего я уж совсем домой пошел.

Ладно, думаю. Бог с ним, думаю. Подожду, думаю, денька три-четыре. Не я то есть, подожду, а медведь мой, медвежонок мой, то есть. Пусть пока сгущенку лопает.

А придя домой, я заперся в ванной и написал письмо приятелям, которые мне его ко дню рождения подсунули. Просил увезти его обратно в Якутию, а то из-за него столько разговоров, что даже вон и в магазин как следует не сходишь. И даже письма не напишешь, не упрятавшись от его заигрываний.

Написал, вылез из ванной, сходил на улицу и в ящик письмо опустил.

Да, а тресочка та как раз несвежей и оказалась...

В. КАШАЕВ

ЧУДО СКУЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

На скамейке городского парка молодой человек по имени Игорь объяснялся в любви девушке по имени Светлана.

— Смотрите, Игорь, звезда упала,— сказала Светлана.

— Гм,— кашлянул в кулак Игорь,— строго говоря, звезды не падают. Я читал статью в научно-популярном журнале, и там говорится, что это не звезды, а метеориты. Пролетая земную атмосферу, они...

— Ну почему вы всегда такой скучный? — не выдержала Светлана.— Я, кстати, уже заранее знаю, как вы меня поздравите с днем рождения.

— Как? — машинально спросил он.

— А так! «Уважаемая Светлана! Поздравляю вас с заслуженным юбилеем. Желаю и впредь с чувством высокой ответственности нести свои обязанности по выполнению долга как в семье, так и в служебной обстановке...»

— А разве это плохо?

— Да неплохо, но... Вы знаете, кстати, что мне вчера сказал Вася? Он мне сказал: «Светлана, в этот праздничный день я подарю вам полмира!»

— Гм,— пробормотал Игорь,— некоторые люди готовы дарить то, что им не принадлежит...

— Ах так! — воскликнула она.— Тогда знайте: с Васей мне интересней! А вы черствый сухарь и навсегда им останетесь! Романтики в вас ни на грош! — Она вскочила и побежала по аллее.

— Куда же вы? — крикнул он ей вслед.— Это неправда насчет романтики! Я... Я еще какой романтик! Гораздо романтичнее Васи!

— Да? — Она остановилась и мстительно улыбнулась.— А Вася еще обещал мне подарить скатерть-самобранку...

— Как? — опешил Игорь.— Но это же несерьезно. Таких не бывает...

— А Вася сказал, что из-под земли достанет...— Она пожала плечами и убежала.

Игорь еще долго сидел на скамейке, кашлял в кулак и осмысливал случившееся. Потом наконец встал и твердо сказал:

— Хорошо! Я достану эту скатерть! Я докажу, что тоже... тоже...— Он решительно двинулся в путь.

Прошло две недели. Все это время об Игоре никто ничего не слышал. Но в день рождения Светланы Игорь появился небритый, с оторванным рукавом и в тапочках на босу ногу. Он торжественно вытащил из-за пазухи заветную скатерть.

— Как?! — ахнула Светлана.— Неужели достали? В самом деле? — Она внимательно посмотрела на него и виновато сказала: — Бедный мой, сколько вам пришлось вынести...

— Это неважно,— мужественно потупился он,— зато я исполнил ваше желание. Получайте самобранку...

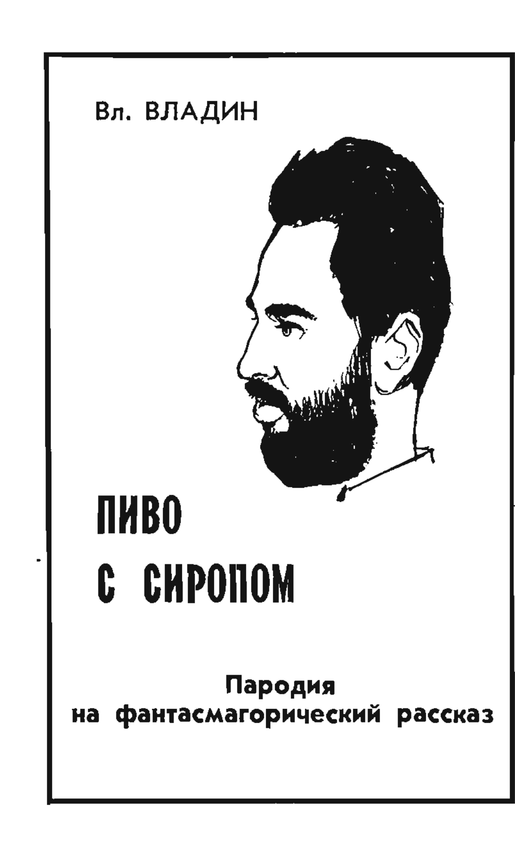
«Вот она, сила любви! — восторженно подумала Светлана.— Самого закоренелого рационалиста, нудного сухаря сделала романтиком!»

— Разверните же скатерть,— сказал переродившийся от любви сухарь,— закажите ей что-нибудь и хлопните в ладоши. Тут же все исполнится. Ну, чего вы хотите?

— Да что-нибудь праздничное. Чтоб соответствовало сегодняшнему дню.— Светлана нерешительно развернула самобранку и хлопнула в ладоши.

И чудо свершилось. Откуда ни возьмись на скатерти появились графин с водой, стакан, карандаш, председательский колокольчик, и нудным, скрипучим голосом самобранка произнесла:

— Начинаем заседание, посвященное юбилею человека, с чувством высокой ответственности несущего свои обязанности по выполнению долга как в семье, так и в служебной обстановке...

Вл. ВЛАДИН

ПИВО С СИРОПОМ

Пародия на фантасмагорический рассказ

С некоторых пор я начал замечать, что мои часы идут в обратную сторону. Но сначала следует оговориться: друзья, просто знакомые, близкие и дальние родственники — буквально все считают меня смешным чудаком.

Так вот: у меня испортились часы. И я понес их чинить. В часовую мастерскую — подчеркиваю, в часовую,— это очень важно для дальнейшего повествования. Да, я забыл предупредить: в рассказе все от начала до конца — сплошная выдумка, здесь нет ни крупицы правды, и, следовательно, он пропитан ложью, к которой я с детства не питаю отвращения.

Простите, я отвлекся.

Итак, я пошел в часовую мастерскую.

Приемщик, милый пожилой человек в шортах и с голубыми волосами, повертел часы, слегка подбросил на ладони, как бы прикидывая на вес, затем с приятной улыбкой и очень вежливо вернул мне их со словами:

— К сожалению, вынужден вас огорчить, шашлыков сегодня нет, есть только люля-кебаб...

— Позвольте,— тоже вежливо сказал я,— а при чем здесь шашлык?

— Видите ли, дело в том, что карские у нас с пяти...

— Но ведь это часовая мастерская, а не шашлычная?

— Именно. Поэтому мы можем предложить вам только люля-кебаб. Впрочем, кажется, есть еще и чахохбили...

— Разве починка часов не входит в ваши обязанности? — все еще вежливо поинтересовался я.

— Простите! Какая починка? Каких часов? Я же вам русским языком объясняю, что у нас часовая мастерская, а не кинотеатр,— начал кипятиться голубоволосый.

А сзади уже шумела очередь.

— Чудак,— говорила очередь,— смешной чудак! И к тому же он нас сильно задерживает, у нас масса других дел, вот, например, у полной женщины с рюкзаком еще не побрит муж, а у крайнего мужчины завтра приезжает племянник из Сингапура.

Нежная девушка, стоящая за мной, слегка отодвинула меня в сторонку и положила деньги на стеклянный прилавок. А я повернулся и ушел.

И захотелось мне пить, потому что стояла жара и даже в тени было много градусов. Я подошел к пивному ларьку.

— Вам с сиропом или чистой?

— Мне пива,— сказал я.

— Конечно, конечно... Вот я и спрашиваю: с каким сиропом? Есть ананасовый, есть огуречный...

— Разве пиво бывает с сиропом?

Продавщица с удивлением посмотрела на меня:

— Ну и чудак!

— Да, да, смешной чудак! — подхватила выстроившаяся очередь. Мне стало стыдно, и я ушел.

Все же мне удалось выпить чашечку пива в ближайшем газетном киоске, а потом я зашел пообедать в ресторан.

Зал был пустоват, и лишь несколько человек сидели и читали. Ко мне подошел официант и любезно спросил, что я буду читать.

— Меню,— тоже любезно ответил я.

Все засмеялись, а человек, сидящий за столиком у окна, недовольно поморщился, как будто ему помешали.

— Это остроумно,— сказал официант,— и все же, что будем читать? Есть полные собрания сочинений и большой выбор всевозможных поэтов. Только что привезли свеженькие рассказы молодого автора — торопитесь, а то могут разобрать.

— Спасибо, но у вас ведь ресторан, и я бы хотел поесть...

— Именно ресторан, а не консерватория! И если вы не прекратите так глупо шутить, я потребую вашу жалобную книгу!

— Чудак,— зашептали все вокруг,— смешной чудак, не мешайте нам читать, идите в свою консерваторию и ешьте там на здоровье!

И под злобный шепот я ушел.

Но и в консерватории мне не удалось пообедать — здесь проходило важное совещание.

Я потерял представление о времени, был голоден, и опять меня мучила жажда. И было мне очень грустно, и я пошел буквально куда глаза глядят. Я все шел и шел, и опять шел и шел, и вдруг очутился в реденьком липовом лесу, на полянке, посредине которой стоял троллейбус. Солнце нещадно пекло, грусть никак не проходила, и я сел в троллейбус.

— Что вам угодно? — спросил меня славный слепой старичок-водитель.

— Мне угодно салат из помидоров со сметаной, холодный красный свекольник, судак «орли», чашечку кофе и бутылку пива,— в отчаянии сказал я.

— Один момент! — невозмутимо ответил водитель троллейбуса и, натыкаясь на сиденья, ушел к себе в кабину.

Через минуту он вернулся, неся еду на подносе.

— Пиво только холодное,— как бы извиняясь, сказал старичок и при этом очень ловко, как зрячий, начал ставить блюда мне на колени.

Я быстро все съел и выпил, и стало мне хорошо. В троллейбусе же, кроме нас с водителем, никого не было, и я просто так, ну буквально просто так решил рассказать ему все: и про шашлычную-мастерскую, и про пиво с огуречным сиропом, и про читальный ресторан, посетители которого носят при себе индивидуальные жалобные книги, и про консерваторию, в которой совершенно, абсолютно совершенно нечего есть!

Казалось, старичок водитель был поражен не менее, чем я, но он просто сказал:

— Ну и чудак! До чего же смешной чудак!

— Не верите? — спросил я.— Тогда смотрите!

И я, забыв, что собеседник слеп, вынул часы, которые по-прежнему шли в обратную сторону, и показал их ему.

— Часы как часы и идут нормально,— сказал он.— К тому же они тикают, а это — самое главное.

Я забрал у него часы и со всей силой швырнул их на пол. Но ничего не случилось. Я поднял часы, они были целы и (вы угадали!) стали идти правильно!

В троллейбус вошли люди, он тронулся, продираясь через деревья, и мой смешной чудак водитель твердо объявил:

— Следующая остановка — площадь Маяковского.

Вот и вся история. И если кто-нибудь обвинит меня в том, что все это галиматья, я признаю правоту этого человека и сниму перед ним шляпу.

Впрочем, шляпы у меня пока нет.

Р. КИРЕЕВ

ГОЛУБЫЕ ПЕТУХИ

Жил в квартире поэт.
Днем писал, как умел,
Мадригал и сонет,
А ночами храпел.
У него был сосед,
И причем не поэт —
Счетоводом он был,
Этот скучный сосед.
Он имел тихий нрав,
Был он худ и костляв.
Он поэтов не знал,
Не читал он стихов,
Но порой рисовал
Голубых петухов.
На полу и стенах
И на глади стекла...
Вся квартира была
В голубых петухах.
Раз к нему заглянул
За горчицей поэт
И, усевшись на стул,
Заявил он, что нет
Птиц на свете таких —
Петухов голубых.
«Есть! — сказал счетовод,—
В Аргентине живет
Племя дикое их —
Петухов голубых».
Усмехнулся поэт
И пошел в горсовет.
Справку дал горсовет,
Всего в несколько слов,
Что в природе, мол, нет
Голубых петухов.
Счетовод заскучал.
Потускнел счетовод.
Он не ест и не пьет
И грустит по ночам.
Всюду цифры —
таков
Стал не мил ему свет.
Всюду цифры —
и нет
Голубых петухов.

А. РЫБАКОВ

БОРОДА ДЕДА ФЕДОРА

Обувная мастерская наша, как полагается, размещалась в полуподвальном помещении. Сидели мы себе в фартуках, дратву сучили, молотками стучали — гвозди, сами понимаете, в зубах! — и подметки тачали. Работали себе по сапожницкой части и снизу вверх на граждан посматривали.

Дед Федор, гордость наша, бывалоча, только взгляд из-под бровей вверх метнет, как услышит, что по тротуару — тук да тук! — барышня какая или дамочка в новеньких сапожках. Всего секунду-то ноги и видит, а вот поди ты! Сразу определяет: ждите, говорит, ее, мошенники, через две недели. И вздохнет. Хорошо душу человеческую дед Федор понимал. Ну и, конечно, обувную продукцию современную.

И еще был дед Федор знаменит бородою.

Вот эта борода и послужила...

Прислали нам нового начальника. Вошел он, радушно поздоровался. Вместе, обещает, трудиться будем. Коллективно. Новое внедрять, старое отбрасывать. А главное, говорит, техника безопасности. И сразу сам форточку открыл, залезть под потолок не поленился, чтобы помещение проветривалось. Ну, мы сразу почувствовали — руководитель.

Только одна заминка вышла. Строго новый начальник на деда Федора глянул, на бороду его. И крякнул обиженно. А дед Федор задумался.

Ну и пошло!.. Ремонт помещения — раз; малая механизация нарезания дратвы — два; зеленое чудовище, агрегат моментальной вулканизации — три; упорядочение управленческого аппарата — четыре...

Одно смущало. С дедом Федором начальник... мучительно как-то держался. Видно было: сказать что-то хочет. И ясно было: поздно или рано скажет он свое слово.

И вот час пришел. Деда Федора начальник в кабинет вызвал и с твердостью заявил:

— Вы, дед Федор, наша гордость. Ваши подметки, можно сказать, по всей области идут. И даже за пределы. А вот подводите вы всех нас: технику безопасности не соблюдаете. Борода вон у вас... Просто мистика какая-то!

Дед Федор рот раскрыл.

— Сбрить ее надо,— говорит начальник,— а то плохой пример молодежи.— И стал другие всякие резоны приводить:— К подметке прибить бороду можете, или загорится она, когда вы, дед, у агрегата моментальной вулканизации вертеться будете. Да и гвозди в бороде затеряться могут! В общем,— говорит,— приказать не могу, но на сознательность вашу рассчитываю.

Огорчились мы все. Понимали, что дед Федор лучше на пенсию уйдет, чем бородой пожертвует. А ведь лучший производственник.

Только произошло такое, чего никто из нас и предположить не мог.

Хороший обычай исстари был в нашем городе. В самый канун Нового года — раньше на лошадях, теперь на авто — разъезжала по городу ватага Дедов Морозов и детишкам, чьи родители позаботились, подарки вручала.

Вот и начальник наш одного такого себе заказал. Сынок у него рос, гордость папы и мамы.

Явился, значит, к начальнику Дед Мороз. Сам начальник ему дверь открыл и... немножечко смутился. Стоит перед ним парнишка в шубе, в шапке, с палкой да мешком, все как полагается. Только на лицо парнишка молодой, развеселый. Студент. Без бороды.

— Мистика! — говорит начальник.— Где борода-то?

А парнишка довольно нахально в комнату прется. И развязно объясняет, что начальник ихний на каких-то совещаниях побывал и техникой безопасности увлекся. Велел в этот год без бород и усов ездить, а то, не дай бог, загорятся от елочной свечки.

С иронией парнишечка это все объяснил. Однако начальник наш его быстро поправил:

— Правильно ваш начальник поступил, в ногу со временем идет. Борода — это пережиток. Идите-ка, молодой человек, в соседнюю комнату, там вас сынок мой дожидается.

Двинулся парнишка со своей котомкой в соседнюю комнату.

А сынишка его как увидел, заревел. «Это,— кричит,— не Дед Мороз!» — и подарки брать не желает. Мамаша его, жена начальника, крики с полчаса послушала, а потом так вроде спокойно говорит:

— Мне чтоб немедленно настоящий Дед Мороз был.

А начальник, надо сказать, жену с полуслова понимал. Похолодел. Заметался. И уж когда совсем отчаялся, про деда Федора вспомнил. Неизвестно, что он ему по телефону говорил. Только через короткое время собственной персоной дед Федор в тулупе и с палочкой на такси подкатил.

Сынок начальника как его увидел, так в ладоши захлопал:

— Дедушка Мороз приехал! Дедушка Мороз!

И дед Федор замечательный ему подарок сделал — сапоги-скороходы, как у волшебного Кота. Сам тачал. Сынок его отпускать не хотел, все бороду трогал, гладил. Маленький, а понимает, что настоящая.

Всей семьей деда Федора провожали.

После праздников начальник на работу пришел, на деда Федора не глядит. Только пробормотал негромко:

— Ты, дед Федор, того... к агрегату моментальной вулканизации все-таки близко не подходи...

Н. БУЛГАКОВ

МАШИНКА

Я сидел у раскрытого по причине лета окна и печатал по причине вдохновения на машинке. Под окном остановился пожилой гражданин и некоторое время наблюдал за мной. Наконец он сказал:

— Чего это ты стучишь!

— Видите ли,— отвечал я,— я писатель.

— Ну и что, что ты писатель! — сказал гражданин.— Ежели ты писатель, так тебе и стучать можно!

— Видите ли,— отвечал я,— дело в том, что пишущие машинки при работе стучат.

— Ну и что, что стучат! А ты не стучи. Ежели все будут писатели и будут стучать на машинках, что получится! А! Ну вот, видишь...— сказал гражданин, уверенный в том, что его вывод — сама логика.— Так что кончай стучать. Слушай, а что ты пишешь!

— Я! Рассказ.

— Так-так... Слушай, а у тебя квартплата за июнь уплочена!

— Да.

— Та-ак... Вот что, ты давай-ка подстели чего под машинку. От твоего стука кругом шум стоит.

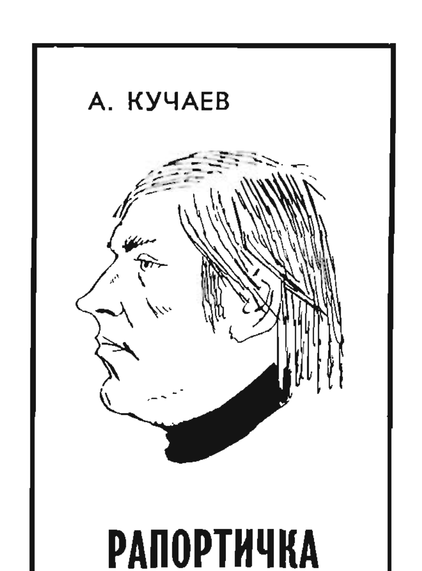
— Хорошо, я сейчас под нее одеяло подложу, если она вам так мешает.

— Подложил! Ну-ка, постучи. Нет, все равно грохочет. Ничего у нас не вышло. Так что кончай стучать. Кончай, что ль. Я тебе говорю, кончай стучать.

— А что ты, собственно... Я же тебе в конце концов не мешаю.

— А ты мне не тычь! Понял! А то я общественность позову. Она тебя враз отучит рассказы стучать. И машинку твою поганую разнесет. Чтоб не стучал. А то, видите ли, он стучать хочет. Так что прекрати. А то ведь смотри, быстро достучишься!..

Вдруг все стихло. Я выглянул в окно и увидел уже его спину: у игроков в домино освободилось одно место, и он пошел к ним. Раздался артиллерийский гром костяшек.

А. КУЧАЕВ

РАПОРТИЧКА

Был у меня начальник — большой любитель метафор. Я ему чем-то не нравился. Бывает ведь, верно?

Вхожу я к нему в кабинет.

— Ну, чего тебе? — спрашивает он.

— Да вот,— говорю,— рапортичка...

— «Рапортичка»! — Он меня очень похоже передразнивал.— Как ты осточертел мне со своими рапортичками, разрази тебя холера!

— Так ведь по вашему распоряжению...

— Заглохни! Тебе бы только не работать, язви тебя в печенку!

Я, помню, в этом месте поморщился.

— Иди, чтоб проказа на всю твою семью!

— Как вы сказали?

— Разрази чума твою родню с отцовской и материнской сторон!

Я вышел, оставив рапортичку на столе.

Однажды после такого разговора нервы мои не выдержали. Вернулся я к себе на рабочее место, где просидел четырнадцать лет, наклонился над бумагой. Смотрю: кап. Что это? Попробовал пальцем на вкус — соленое. «Ай-яй-яй! — говорю себе.— Нервишки-то у тебя того... Нехорошо. А с другой стороны: «проказа на всю твою семью»... Тоже обидно». Верно я мыслил?

Пришел после работы домой. Собралась вся моя родня обедать. Оглядел я ее, свою родню. Народ чистый, незапятнанный. Глаза живые, блестят. «За что ж их так? — снова думаю.— Нет. Не получится. Не дам в обиду».

Судите сами: справа сидит мой удивительный дедушка, филателист. Слева сидит его брат — тоже филателист. Оба — долгожители. Две бабки сидят на углу стола, из одной тарелки едят. Водой не разольешь. Подруги. Папашка с мамашкой сидят, два голубка. Теща с тестем — впередсмотрящие нашей науки. Жена-соратница сидит рядом.

Оглядел я свою родню, и закипела во мне обида. Бывает ведь, верно?

Утром я, как обычно, написал рапортичку и вхожу к начальнику.

— Чего тебе?

— Да вот, рапортичка...

— Долго ты из меня кровь сосать будешь, бездельник?

— Долго,— отвечаю.— У меня, сами знаете, семья...

— Семья? Чтоб гонконгский грипп на всю твою семью до седьмого колена!

Я повернулся к двери и позвал: «Ребятки!» Вошла в кабинет моя родня. Как орехи — один к одному.

— Это что за процессия? — изумился начальник.

— Родня, которую «разрази чума» и так далее...

— Ты что, сдурел, дядя? — Начальник оглядел моих орлов, которые подравнялись. Только одна подслеповатая бабка Марфа нарушала строй.

— Я к тому,— сказал я,— что они не заслужили такого к себе отношения. Даже если я сам заслужил, то они нет. Не выйдет. Посмотрите на них. Они хорошие ребята. Дедушка! — отвлекся я.— Кто ж это рукавом делает? У тебя платок есть!

— Выходит, это и есть твои родственники? Эх, язви их...— Тут начальник осекся.

— Они самые...

— Значит, ты хочешь сказать, что это твои родители и так далее.

— Вот, вот....

— Так, так... Ну ладно. Пусть уйдут. Я подумаю.— Начальник казался всерьез озабоченным.

— Подействовало! — прошептал я и негромко приказал родне: — Ступайте, орлики!

— А это что? — спросил начальник.

— Рапортичка! — положил я бумажку на стол и вышел на цыпочках из кабинета вслед за родственниками.

Через пять дней начальник отменил рапортички, а через семь — мою должность. Прощаясь со мной, он сказал:

— Не могу я. Только хочу тебе деловое замечание сделать — вспоминаю твоих. Хорошие они у тебя. Жалко их. Согласись: так работать нельзя. Ступай. Да, привет им передавай от меня... Так что в гробу я видал и тебя и твоих... Тьфу ты, извини!

Я вышел из кабинета.

Сейчас служу в другом месте. Отношения с начальством складываются трудно. Но родственников своих я все равно в обиду не дам!

МОСКВА ✿ СЕМИНАР МОЛОДЫХ САТИРИКОВ

А. МОРАЛЕВИЧ

ЛЕОПАРДОВАЯ ЖАБА

Данная часть настоящего фельетона посвящена трамваю. Итак, шел трамвай № 5: Ростокино — Белорусский вокзал. Тут присутствовали старушка, тихая трамвайная жительница, студенты института транспорта, студенты театральных вузов и человек с подушкой (ушел от жены).

Это был веселый трамвай. Смеялись студенты. Колыхалась старушка. Ушел От Жены постепенно тоже отмяк.

Так двигался трамвай через Москву, и веселый водитель, объявляя остановки, говорил, что идет сегодня в кино.

Приятно было ехать в этом трамвае. Где-то в Сибири, в Академгородке, молодые ученые ходили на службу через лес, и от этого производительность труда ученых подскакивала на двенадцать процентов. Лес улучшал настроение, вот и все.

А в Москве не было леса, но ходил трамвай № 5. И тот, кто ехал в нем на работу, будто проходил через лес.

И тут в трамвай залез гражданин. Он сурово прислушивался и хрустел синим всепогодным плащом.

Громыхая плащом, гражданин растолкал пассажиров и открыл дверь к водителю.

— Почему вы говорите во время движения? — спросил он в упор.— Надо молчать!

— Сам и молчи! — защитил водителя человек с подушкой.— Репей!

— А вы почему везете подушку? Вот из нее торчит пух. Провозить пачкающие предметы запрещено!

И все прикусили языки. А маршрут № 5 сразу стал казаться длинным и скучным.

Гражданин в синем плаще ежедневно слезал на Палихе. Напоследок он обводил всех взглядом, и взгляд его говорил: «Смотрите тут, без меня... Распустились!»

На улице он не менялся. Это был несгибаемый праведник-многоборец. Он считал, что весь мир вокруг становится черечсур легкомысленным и веселым.

— Что вы клеите? — на подходе к своему учреждению кричал праведник девушке с вязанкой афиш.— Нет, я вас спрашиваю: что? Идиоты!

И, придя на службу, он первым делом заносил в книжечку: «Афиши. Изображен русский народный оркестр имени Осипова. Музыканты в смокингах, дирижер во фраке. Где косоворотки и плис шаровар? Щемит сердце».

Он долго не мог успокоиться и кусал папиросу. Он даже ничего не замечал вокруг от злости. Но когда пришел в себя, то увидел в коридоре свежий плакат. На плакате были стихи:

Тебя на лыжах
прокатиться
Зовет местком, пока зима,
Спеши с подругую
спуститься
С горы на лыжах. Задарма.

Он немедленно посетил профорга.

— Вы видели? — спросил он, тыча пальцем за дверь.

— Видел,— признался профорг, вычищая под ногтем тушь.

— Я про это—«спеши с подругую». Призыв к разложению за счет месткома?

— Роднуля! — сказал профорг.— Идите отсюда к свиньям собачьим! Знаете, как вас зовут? То самое вы и есть.

— Я пойду! — сухо сказал поборник.— Но заметьте: свинья не может быть собачьей. Оскорбление плюс искажение языка — это вам даром не пройдет.

«Что за жизнь! — ужасался праведник, грохоча по ступеням в дирекцию.— Куда мы идем? Легкомыслие, смешки и улыбки. Превратили действительность в мюзик-холл Конникова!»

— Но,—выслушал его директор,— по-моему, очень веселые стихи. Так и подмывают.

— Это безыдейно! — закричал многоборец.

— Не знаю,— сказал директор.— Не знаю. Жалуйтесь выше.

«Заговор,— прозрел праведник.— Типичный сговор. Всех выведу на чистую воду».

Всю зиму он подшивал компрометирующие факты. Он растирал руками крупную апельсиновую плешь и вспоминал, вспоминал. Весной он нагрянул с портфелем в редакцию. Он требовал управы на местокомовские стихи, требовал поубавить веселья водителю трамвая, искал управы на оркестр имени Осипова (музыканты в смокингах), на осквернителей языка (не может быть свиньи собачьей, равно как жабы леопардовой).

Еще он жаловался, что люди нахально улыбаются прямо на улице и налицо большая безыдейность. Он жужжал усыпительно и нудно.

— Хоть бы дождик пошел,— приуныли газетчики.

— Благоотдачи сегодня не произойдет,— жестко заметил праведник.

— Так чего вы от нас добиваетесь? — снова спросили газетчики.— Мы водителя ругать не будем. Нам такие симпатичны, кто работу делает весело.

— Значит, покрываете? Тогда я оставлю вам заявление. Вот я памятую себе в книжечку: «Оставлено 20 марта». Знаете, какой срок ответа на письма граждан? Самое большее — месяц! Вот и будьте любезны.

— А зачем вам непременно ответ?

— Жаловаться!

Действительно, есть постановление насчет месяца. Не годится мешкать с ответом.

Ответим:

Уважаемый гражданин в плаще! Почтенный!

Всесоюзной проверкой установлено, что у вас есть единомышленники. Им тоже претят улыбки и веселые лица. Лица у них, спаси и сохрани, совсем неулыбчивые. Они воспитали на своих лицах кожу, толстую, как на пятке. Никаких усилий не хватит, чтобы растянуть эту кожу улыбкой.

Тщательной проверкой установлено, что праведники суют свой нос во все сферы производства, культуры, быта и оскучняют жизнь слоям населения. Так сказать, блюдут всеобщий духовный пост.

Это люди жесткой закваски. Они норовят переделать жизнь на свой лад.

Борьба предстоит им большая.

В литературе — запретить фортели подобного рода: «нетоварищески обращался со своими штанами».

В рекламном деле — изъять стихотворные выверты типа:

Все здоровы:
Вы,
мы,
ты,
Если руки
вы-
мы-
ты.

Запретить весенне-летние ночные грозы как нарушающие постановление о тишине.

Навести порядок на Пулковской обсерватории. Научно-исследовательское атеистическое учреждение, а там голуби летают!

Запретить директорам с окладом выше 140 рублей шутки и смешки с подчиненными. Так вот смешки, смешки, а потом падает дисциплина.

И др.

Праведники на ногах. Многоборцы не дремлют. Всякое веселье кажется им несолидным, тем более производственное веселье. Многоборцы против того, чтобы жизнь строилась в расчете на человека.

И многоборец обрушивается на все то хорошее, что становится нормой нашей жизни, что помогает жить и сближает людей.

Всем известна милицейская служба ГАИ. Работать ей тяжело: машин и пешеходов становится все больше. Непочтение и наплевизм бьют ее по рукам. Множится число аварий и наездов. Как быть?

Челябинская ГАИ в центре города поместила плакат:

**ТОВАРИЩ!
На этом участке улицы
ПРОИЗОШЛО СЕМЬ
НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ
С ПЕШЕХОДАМИ.
Постарайся
НЕ БЫТЬ ВОСЬМЫМ!**

Это по-настоящему. Это с человеческой интонацией. Человек обращается к человеку. Это проймет! Но взрывается праведник. Что за стиль? Нестандарт! Вольнодумство! Где деловитость? И вот уже скрежещет перо: «Уважаемая редакция. Пишу вам от злости...»

Арк. ИНИН
Л. ОСАДЧУК

О ПОЛЬЗЕ ХОРОШЕГО ВКУСА

Вот одни говорят, что на работе главное — это талант. Другие — что знания. Третьи — усидчивость. А я так скажу: главное в работе — это хороший вкус! Ведь если ты, скажем, твердо знаешь, какой из семи цветов радуги с каким гармонично сочетается, или категорически можешь определить, к каким глазам какой шарфик подойдет, или без колебаний отличаешь, какой чемодан мужской, а какой женский, так тебе в любом трудовом коллективе цены нет!

Тут, конечно, может возникнуть здоровый вопрос. Зачем, к примеру, мне, рядовому бухгалтеру треста «Плодоовощторг», все эти точные знания про радугу и чемоданы? На первый взгляд мне это ни к чему. Но это только на первый взгляд.

Приведу яркий жизненный пример. Конец квартала. В тресте запарка. Вся бухгалтерия костяшками стучит: пальцев не хватает! А я гуляю. То есть не гуляю, конечно, но и на своем рабочем месте не присутствую — выполняю особое задание. Потому что отчет отчетом, план планом, но если день рождения нашего дорогого главного бухгалтера падает на тридцать первое число, так не оставаться же ему без скромного подарка.

А кто может купить соответствующий случаю подарок? У кого самый хороший и выдающийся вкус? Соображаете?

Подходит славная дата — общественность прибегает ко мне.

— Петр Саныч! Петр Саныч! Выручайте!

А я что? Беру день на обдумывание, два — на магазины. Зато уж привезу подарочек — сразу видно: вкус у человека! Сотрудники благодарят, новорожденный главбух слезу роняет...

Нет, вы только не вообразите, что я так для одного руководства выкладываюсь! Коллектив у нас замечательный, сплоченный, у нас общий график заведен цветными карандашами на каждый день рождения каждого сотрудника — от курьера до премьера, что называется.

Теперь посчитаем, что же у меня с рабочим временем получается. (Слава богу, и счеты под рукой и считать еще вроде не разучился!) На каждый день рождения каждого из семидесяти шести наших сотрудников кладем по три дня: день на обдумывание, как я уже отмечал, и два — на магазины. Итого двести двадцать восемь рабочих дней. Плюсуем два выходных на неделе—итого триста двадцать четыре календарных.

Теперь так: коллектив наш здоровый, и все, чему положено быть в здоровом коллективе, у нас тоже есть. Свадьбы, деторождения, юбилеи, уход на пенсию и прочие подарочные случаи. В общем, откидываем на них оставшиеся сорок один—сорок два календарных — и вот вам вся моя жизнь-работа.

Неплохо, конечно: и спокойно и уважение тебе с почетом. Некоторые даже завидуют... Но я считаю, напрасно. У меня ведь тоже работка не из легких. Мой вкус, конечно, что называется, на уровне мировых стандартов, но надо же и на чужой нрав угодить, требуется ведь и получателю подарка удовольствие организовать. Вот и приходится головой работать, колебаться, иной раз даже мучиться. Сомневаться.

И потом, хоть конкретно на работе я и отсутствую, а трудиться доводится и сверхурочно. Иной раз до самого закрытия магазинов пробегаешь, а бывает, и от своего законного выходного не один часок урвешь.

Я уж пробовал и отказываться, так весь коллектив в обиду:

— *Петр Саныч! Петр Саныч!* Не уважаешь ты общественную нагрузку!

Вот и тяну лямку, что называется. Да и кому теперь это дело передоверишь? Молодежь, сами знаете, пошла безвкусная...

Правда, три дня в году я все же законно щелкаю костяшками на своем рабочем месте, согласно штатному расписанию. А вот у сотрудников моих эти три дня работа из рук валится: день — на обдумывание, два — на магазины. А чего? Меня ведь тоже мать-природа не обделила. У меня ведь тоже свой законный день рождения в общем графике нашего коллектива имеется!

МОСКВА ✿ СЕМИНАР МОЛОДЫХ САТИРИКОВ

— Второй год ведем переписку!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЛИХА БЕДА — КОНЕЦ!

Глава колхоза заявил
У скотного двора:
— Прошла пора
лопат да вил —
Труд облегчить пора!
Я для дороги подвесной
Опоры вам привез!..
То было раннею весной,
Но там и ныне воз...

Взялюсь
построить ясли СМУ
Средь разных прочих дел.
Но не хватило сил ему,
И брошен был задел.
И вот стоит за годом год,
На горе матерей,
Тот недостроенный
урод —
Без крыши и дверей...

Пришли монтажники
во двор,
Чтоб дать в квартиры газ,
Канав нарыли
И с тех пор
Не кажут больше глаз...

Читатель, и меня прости,
Что преступил закон,
И это маленькое сти...
Я тоже не закон...

Василий СМИРНОВ

ВОРОНА НА ЭСТРАДЕ

Был у нее один репертуар:
— Кар-р-р!

ЗНАТОК ГЕОГРАФИИ

— Скажи,
Куда Нева течет!
— Эх, темнота!
В водопровод.

Во втором номере «Крокодила» за нынешний год появилась новая рубрика: «Даем консультации». Тогда мы дали несколько первых советов лицам, желающим Имитировать Кипучую Деятельность.

Ознакомьтесь теперь с нашими новыми советами по тому же поводу.

Допустим, вы продавщица, и вам очень хочется поговорить по сугубо личному вопросу с подружкой, которая стоит рядом с вами за прилавком. Неужели нужно ждать обеденного перерыва? Не советую. Смело начинайте разговор при покупателях, только примените так называемый язык Эзопа. Заранее условьтесь с подружкой, что вы — это «база», «агент» — Васька Климов, уличенный когда-то в неверности, которому вы по справедливости дали отставку, а «торг» — ваш нынешний возлюбленный Петя Чижиков. Итак, начинайте!

— Ты знаешь, Нюра, что я тебе хочу сказать? Вчера агент опять кинул заявку базе.

— Вот нахал! После всего, что случилось? Он же так насолил базе!

— Насолил — не то слово. «А теперь,— говорит он базе,— я, дескать, для вас готов в лепешку расшибиться...».

— Ну и что ответила база?

— Она сказала: «Направляйте свои заявки куда хотите. А в моих глазах вы потеряли всякий авторитет».

— И агент отстал от базы?

— Нет, пришлось ей срочно связаться с торгом. Тот вмешался, и агент не солоно хлебавши смотался.

Вот и поговорили. Сообщили подруге распиравшую вас новость о нахальном визите Васьки и о том, как верный Петя Чижиков оградил вас от Васькиных домогательств...

А заодно дали понять покупателям, что, находясь за прилавком, вы думаете исключительно о сложных торговых делах. И что заниматься в рабочее время посторонними разговорами — просто противно вашей натуре.

—

Если в вашу рабочую комнату войдет начальник, ни в коем случае не вскакивайте со стула и не раскланивайтесь, хотя вас и подмывает сделать это, чтобы засвидетельствовать преданность и уважение. Наоборот, склонитесь над столом еще ниже и водите вашей самопиской по бумаге энергичнее прежнего.

Начальник осторожно покашляет, чтобы обратить ваше внимание. Но вы ничего не слышите.

Он нетерпеливо пройдется по комнате, но вам его прогулка ни к чему: вы увлечены своим делом.

И только после того, как вышедший из себя начальник рявкнет: «Иванов, вы что, совсем оглохли и ослепли?» — поднимитесь. А потом, проведя вялым жестом руки по лицу, как бы смахивая с него накопившуюся за день усталость, скажите:

— Извините, Петр Кузьмич, не заметил вас. Заработался сегодня до одури...

—

На носу экзамен по истории философии, и вас для зубрежки посадили в отдельную комнату. Заходить в нее комунибудь из домашних строжайше запрещено. Наконец наступило приятное одиночество и возможность заняться чем угодно: отгадыванием кроссворда, чтением последнего детектива, составлением пылкого послания к этой зазнайке Зинке. Но вот дверь осторожно приоткрывается. Будьте начеку: в комнату заглянул проверяющий. Запустите обе руки в волосы и начинайте бубнить:

— Абеляр Пьер, французский теолог и философ. В характерном для средневековой философии споре придерживался близких материализму идей...

Голова проверяющего исчезает. Он докладывает скопившейся на кухне публике:

— Зубрит!

Проходит какое-то время, и опять со скрипом открывается дверь, в ней показывается лицо нового контролера. Снова повторяйте:

— Абеляр Пьер, французский теолог и философ. В характерном для средневековой философии споре и т. д.

Доклад будет такой же благоприятный:

— Зубрит!

И так несколько раз.

У многочисленных, но всегда разных проверяющих сложится впечатление, что вы самый усердный зубрила на курсе. К тому же может так случиться, что на экзамене вы вытянете как раз билет об Абеляре Пьере, теологе и философе, который в характерном для средневековой философии споре придерживался и т. д. и т. п.

—

Знаете ли вы, как натираются паркетные полы? Понятия не имеете? Я тоже. А то дал бы вам исчерпывающе точную консультацию. Но как все-таки быть, если жена однажды скажет:

— У всех мужья как мужья: полочки на кухне делают, мебель реставрируют, белье во дворе развешивают. А ты на что способен? Хоть полы бы натер!

Не возражайте и не ссылайтесь на свое сугубо гуманитарное образование. А просто в очередную субботу встаньте пораньше и начинайте двигать мебель. Чем больший беспорядок вы устроите в квартире, тем лучше.

— Что ты затеял? — спросит жена.

— Хочу навести лоск на твои полы,— отвечайте ей.— И рассчитываю, что сегодня вы не будете мешать мне.

Жена поворчит, но потом соберет детей и уедет с ними к матери в Кузьминки. А вы тем временем звоните учрежденческому полотеру дяде Феде и просите, чтобы он срочно приехал к вам со всем инструментарием. Такси, разумеется, за ваш счет.

Если дядя Федя постарается, то до возвращения семьи вы успеете не только расставить мебель по местам, но еще и распить с ним четвертинку «Пшеничной» за благополучное окончание натирки полов.

Вел консультацию заслуженный имитатор КД
М. ГРИГОРЬЕВ.

На страже художественного вкуса стоит немало специалистов. Они стараются, чтобы к нам в дом не попала рыночная подделка под скульптуру, чтобы мы наслаждались подлинными музыкальными шедеврами.

А кто защищает наш пищевой вкус? Где критические рецензии на блюда в столовой, консервы в магазине, халы в булочной и пирожки в утепленном лотке? Разве они не достойны критического разбора? Может быть, пора к этому прозаическому вопросу привлечь общественное внимание, развить пищекритику?

Крокодил попросил в виде опыта выступить с кулинарной рецензией *В. Сухаревича*, бывшего повара, а ныне литератора и взыскательного едока.

В. СУХАРЕВИЧ

ПОСТНО В ТОСНО...

Мне подумалось, что начать кулинарную дегустацию лучше всего с примера самого показательного. Вот почему, приехав в Ленинград, я провел среди своих коллег-журналистов небольшой опрос: где кормят наиболее невкусно? Коллеги-знатоки назвали без труда несколько ресторанов и столовых, расположенных в самом Ленинграде, а также в его окрестностях. Но все-таки подавляющее большинство голосов было за столовую в Тосно:

— Отобедаете раз, а запомните надолго...

Прикатив в Тосно, я прежде всего обошел магазины этого районного центра. В продаже был широкий набор продуктов. По меньшей мере сотню блюд из этих продуктов взялся бы сделать любой грамотный повар.

И тогда я отправился в столовую. В этом похожем на сарай холодном и неуютном здании было малолюдно. Я решил не терять времени и заказать сразу четыре блюда из меню: харчо, борщ, рагу из барашка и люля-кебаб.

Тут надо сказать, что в создание этих блюд вложен вековой опыт, и рецепты приготовления их известны каждому, как ходовые пословицы. Интересно, какой опыт переняли местные кулинары?

Разумеется, меня прежде всего заинтересовало харчо. Оно было приготовлено из свинины. Это была новинка! Такое до сих пор мне не встречалось. Ведь тот же самый вековой опыт давно научил поваров, что свинина и рис сочетаются плохо... Ладно, посмотрим, что будет дальше. Влез я ложкой в тарелку и дрогнул: да это же просто чуть подогретая вода. Рис и кусочки свинины плавали в полном отчуждении друг от друга. А вкус? Вкус у блюда был чудовищный! Мое бывшее поварское сердце было так потрясено, что я сразу же попросил позвать заведующую производством. Дальнейшая дегустация шла в присутствии Л. Н. Васильевой.

— Почему харчо приготовлено из свинины? Где здесь лук, чеснок, приправы, почему дан, как говорят повара, только намек на томат? И почему оно холодное, это невиданное харчо?

— С подогревом у нас слабо.

— Ладно, перейдем к борщу. Почему вы положили в борщ холодное недоваренное мясо — видите, оно, как куски ластика? А это что? Старый, пожелтевший шпик? Да знаете ли вы, что таким шпиком, если его истолочь с чесноком, можно заправить дивный кубанский борщ?! А здесь он по вкусу напоминает стеариновую свечу.

— Да разве за всем углядишь?..

Действительно, за всем углядеть трудно. Не углядели за свеклой в борще — она тверже щепок; не углядели за рагу — это был увесистый кусок баранины с макаронами, однако без малейшей овощинки, а ведь рагу красно прежде всего овощами; не углядели за люля-кебабом, и, может, поэтому он походил на резину... За чем же все-таки успела углядеть Людмила Николаевна?

Я попросил халат и отправился на кухню. И тут я со всей ответственностью могу вас заверить: в этой столовой ничто не может быть вкусно. Потому что здесь трагически губят наилучшие продукты.

На стойке для раздачи стыло мясо для борща. В котле, в жиже кипело рагу без единой дольки овощей. Рядом ответственная за вторые блюда Анастасия Алексеевна Лукина укладывала кебабы на огромный противень, собираясь поставить их в кондитерскую печь...

Из того же векового опыта известно, что люля-кебаб жарится на шампурах над мангалом. И уже профанацией считается, если кебабы жарят в жиру на сковородке. Но печь кебабы?! Словом, все в этой столовой холодное: супы, кебабы, мясо. Горячи только жалобы посетителей.

Тосно, Ленинградской области.

— Вы не подскажете, где здесь институт типового проектирования?

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«БЕЛАЯ ВОРОНА»

Тамару Лаптиеву направили на работу заведующей швейной секцией универмага в поселке Тамыш, Очамчирского района. Заведующая универмагом Габлая встретила ее с распростертыми объятиями.

— Надеюсь, мы с тобой прекрасно сработаемся!

Но Тамара Лаптиева оказалась человеком несговорчивым. Узнав, что многие товары в магазине продаются по завышенной цене, так как заведующий складом Картозия без взяток товар не отпускает, она решила обратиться в ОБХСС. Оказалось, что правила торговли точно так же нарушаются не только в магазине поселка Тамыш, но и в магазинах поселков Гали и Нижней Эшеры (фельетон Я. Герсамия и Р. Киреева «Белая ворона», «Крокодил» № 22 за прошлый год).

Как сообщил секретарь Абхазского обкома КП Грузии А. Дзадзуа, «торговые операции», о которых рассказывалось в фельетоне, подвергнуты критике справедливо. Заведующий складом оптовой базы А. Картозия осужден Верховным судом Абхазской АССР на 10 лет лишения свободы.

Продавец магазина № 1 Гальского горпо Р. Чиквашвили за обсчет покупателей и попытку дать взятку сотрудникам «Крокодила» привлечен к уголовной ответственности.

Решением бюро Гальского райкома партии за нарушение правил торговли в системе горпо председателю К. Курсуа и заместителю председателя горпо В. Кекуа объявлены выговоры с занесением в учетные карточки.

Начальнику торговой инспекции Абхазской АССР Джинджуа дано указание усилить контроль за деятельностью торговых организаций и предприятий.

На выступление Крокодила также откликнулись заместитель начальника Управления БХСС МВД СССР тов. Богданов и министр Внутренних дел Абхазской АССР тов. Хинтба. На заседаниях коллегий Внутренних дел Грузинской ССР и Абхазской АССР были обсуждены вопросы усиления борьбы со спекуляцией, обманом и обсчетом покупателей. Первичным парторганизациям горрайорганов Внутренних дел рекомендовано обсудить фельетон «Белая ворона» на партийных собраниях отделов.

СКОВАННЫМИ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

оказались трактористы-братья Шибанковы и Погорелов, механик Лапшин, заведующий мастерской Китанин, секретарь парткома колхоза Душехватов и другие завсегдатаи продмага, что в колхозе имени XXIII съезда, Тамалинского района, Пензенской области. Цепь была прикована к бочкам со спиртным. По этой причине в колхозе процветало хулиганство, наблюдались аморальные поступки, наплевательское отношение к работе; пьяные лихачи калечили колхозную технику (см. фельетон Р. Киреева «Скованные одной цепью». «Крокодил» № 29 за прошлый год).

Как сообщил редакции секретарь Пензенского обкома КПСС тов. В. Огарев, факты подтвердились. Бюро Тамалинского райкома партии объявило секретарю парткома колхоза Душехватову строгий выговор с занесением в учетную карточку и освободило его от занимаемой должности.

За порчу водопроводной колонки и столба линии электропередачи с механизаторов Шибанковых взысканы деньги. Механик Лапшин за появление на работе в нетрезвом состоянии строго наказан.

Бюро обкома КПСС, обсудив фельетон, указало первому секретарю Тамалинского райкома партии тов. А. Овтову на низкий уровень руководства партийным комитетом колхоза и потребовало принять действенные меры для улучшения работы колхозной партийной организации.

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ...:

СОРНЯКИ В БАРХАНАХ

Конструктор А. Г. Домнин из города Талгар Алма-Атинской области прислал в редакцию «Крокодила» 11-й (ноябрьский) номер журнала «Простор» за 1970 год. Внимание читателя привлекла повесть Юрия Волкова «За барханами — Курты».

«Из двенадцати неполных страниц,— **пишет нам А. Г. Домнин,**— две трети — сплошная несуразица, а одна треть повествует не о чабанах и геологах, чьим трудом мы всегда гордимся, а о случае в пустыне, который произошел с самим автором из-за его собственного головотяпства. Зачем выпускать в свет такую абракадабру? Да еще в журнале «Простор», который авторитетно именуется литературно-художественным и общественно-политическим иллюстрированным журналом Союза писателей Казахстана».

Мы никак не можем согласиться со столь сердитым письмом конструктора из Талгара. Больше того, мы прочли повесть с живейшим интересом. Она насыщена занимательными событиями и яркими персонажами. Есть тут, например, бывший агроном Кузьма Фомич, который уехал в пустыню, где, на горе семье, пишет десять лет одну и ту же книгу — роман «Космократоры летят в бездну». Есть супруга Фомича, пускающая мужнину рукопись по ветру. Есть журналист Горев, вынужденный уйти из редакции, «потому что он, оказалось, кроме искусственного осеменения, ничего не мог описывать».

Особенно привлекают в повести женские образы — Марина, Фрося и Валя. Различаются они не только по именам, но и по комплекции, поскольку бывают товаристы, осанисты и фигуристы.

Милое женское общество вызывает у героев возвышенные, благородные помыслы. «Женюсь я на этой Марине,— вдруг сказал Павлик и закурил.— Во девка! Амазонка чистая!» «На морду она, видал? Княгиня!». «Ух, и затомились же они в этой пустыне, ух, и поспели же! Сок капает! Видал, как обцеловывали меня, а как Валька мацала тебя глазами, видал?»

В отличие от Павлика Кузьма Фомич к дамам относится индифферентно: «С 36-го года он, но насчет девок ни к черту, этот Кузьма. Фрося как-то шепнула мне».

Лексикон героев приятно ласкает слух и воскрешает в памяти давно забытые, казалось, творения поборников жаргона: «причепуриться надо же», «как индюк, задолдокил», «айдате обедать», «ну что, мать, может, и по стопке вдарим?», «Кузьма Фомич реготал», «а сейчас давай консервов похамаем». Все это обильно перемежается такими душевными обращениями, как «холера», «скотина», «во стерва» и т. п.

Процитируем еще раз: «...всякому сорняку, залетевшему невесть откуда на твое литературное поле, редактор немедленно срубит голову».

К сожалению, этого и не сделал редактор журнала «Простор» писатель И. П. Шухов, хотя, говоря опять же словами повести, «редактор был редактором до мозга костей...»

Владимир ВОЛИН

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

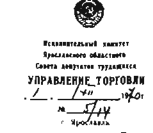
В номере 32 за прошлый год опубликована заметка «Дважды левша», о том, что в мужском плаще ценою 52 рубля 50 копеек, выпущенном нашей швейной фабрикой, вшиты два левых рукава. Заметка обсуждалась на производственном совещании ИТР фабрики. Разработаны мероприятия и приняты конкретные меры в целях недопущения выпуска недоброкачественной продукции. Однако не можем найти автора заметки тов. Акишкина из гор. Новомосковска для того, чтобы обменять ему плащ. По нашей просьбе администрация Новомосковского горпромторга, уточнив во всех торговых точках, сообщила, что покупатель тов. Акишкин в магазины горпромторга не обращался. Просим помочь в этом вопросе.

Главный инженер Ефремовской швейной фабрики **ДЕРЕВЯНКО**

Уважаемый тов. Деревянко! Охотно вам помогаем. Бывший «дважды левша» тов. Акишкин А. Е. проживает в гор. Новомосковске, по ул. Электрозаводской, д. 22, кв. 8.

Черным по белому

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Исполнительный комитет
Ярославского областного
Совета депутатов трудящихся
УПРАВЛЕНИЕ ТОРГОВЛИ
1 . VII 1970 г.
№ 5/14
г. Ярославль

Директору Рыбинского отделения облспорткультторга
тов. Карпович Н. Г.
Копия: Сергеевой Лене
г. Рыбинск, ул. Гагарина, 12-а, кв 77

В управление торговли из редакции журнала "Крокодил" поступила просьба ученицы 2-го класса Сергеевой Лены о приобретении карандашей цветных. При первом поступлении в торговую сеть г. Рыбинска цветных карандашей вручите одну коробку карандашей Сергеевой Лене.

Заместитель начальника управления торговли- /А. Проказин/

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуйте уважаемая редакция журнала „Крокодил" Спасибо за помощь, я очень рада. Тётя, которая доставила мне карандаши сказала что надо было в августе приобретать, а не жаловатся. Теперь все мальчики и девочки купят их и будут рисовать. Еще раз Большое Вам спасибо. До свидания

Сергеева Лена.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Руководителям главков по производству школьно-письменных принадлежностей, директорам карандашных фабрик.

Уважаемые товарищи!

Полагаю, вы разделите мою радость в связи с тем, что Лена Сергеева и другие школьники города Рыбинска получили карандаши. Однако довожу до вашего сведения, что жалобы на отсутствие в продаже карандашей я получаю не только из Рыбинска. Цветные карандаши нужны всем — от школьников до взрослых дядей, любящих писать ими цветистые резолюции.

Направляю вам это мое письмо и прошу снабдить его резолюцией о мерах, которые необходимо предпринять для удовлетворения потребности в карандашах. Если у вас не найдется цветного карандаша, напишите черным по белому. Не буду в претензии.

КРОКОДИЛ

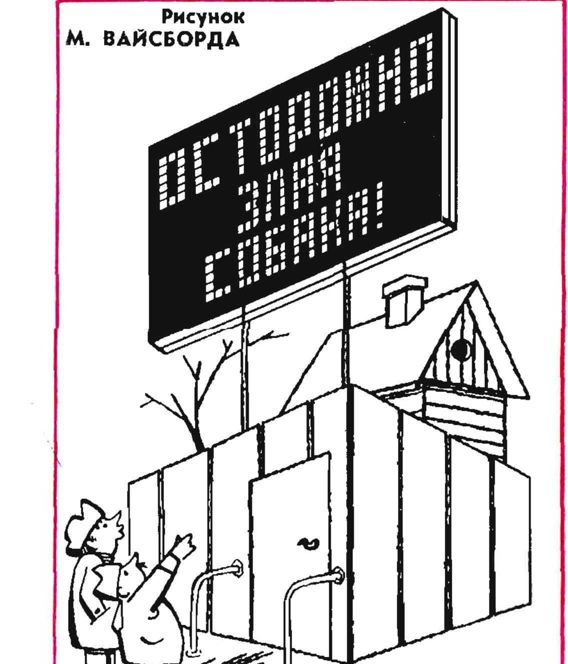

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Рисунок
Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок
М. ВАЙСБОРДА

— А это дача директора стадиона!

— Вы заказывали курицу?

Рисунок С. СПАССКОГО

Валентин КАТАЕВ

Почему ее так называют?

(Из воспоминаний)

— ...Например, обезьяна. Вслушайтесь! Не правда ли, какое странное слово: о-безь-я-на? Оно как-то не свойственно русскому языку. Обезьяна. Не по-русски. И, главное, трудно понять, откуда оно взялось. Я, конечно, далеко не филолог, но странно. Довольно странно-с.

Юрий Олеша сидел за столиком в «Национале», окруженный своими поклонниками, и произносил очередной монолог. Маленький, с серыми пронзительными глазами, растрепанный, с прекрасным выдающимся подбородком и скульптурным лбом великого мыслителя.

— Вы улавливаете мою мысль? — спросил он.

— Улавливаем, но не вполне,— хором сказали поклонники.

— Отлично. Тогда сделаем филологический экскурс. Как будет обезьяна по-английски? Манки. По-французски — санж. По-немецки — аффе. Ничего общего с русским словом «обезьяна». Однако мне кажется, друзья мои, что я открыл происхождение этого слова. Я совершенно, подчеркиваю, СОВЕРШЕННО, уверен, что оно происходит или, вернее, когда-то произошло от французского слова «обеиссан», что значит по-русски «послушный».

Глаза Олеши вспыхнули.

— Маленький, похожий на человека, послушный зверек! — воскликнул он с пафосом.— Нет, нет, я говорю совершенно серьезно. Для того, чтобы это понять, не надо быть, господа, филологом, а надо иметь хоть немного воображения. У вас есть воображение? — спросил он поклонников.

— Есть,— неуверенно ответили поклонники.

— Прекрасно. Тогда вообразите себе древнюю Москву, часть которой мы видим в окно кафе. Кремлевские башни, бойницы, золотые купола. Вообразите себе дворец царя Алексея Михайловича, и вот в парадные палаты, низко кланяясь, входят в шелковых, атласных или глазетовых камзолах заморские гости с подарками. Кто-то из них ведет на серебряной цепочке забавного зверька — карикатуру на человечка, как бы одетого в шубку с енотовой пелеринкой. Зверек скалит зубы и раскланивается на все стороны, жеманно приседая. Русские придворные восхищены, добрый царь Алексей Михайлович благостно улыбается, поглаживая каштановую бороду, однако все как бы несколько опасаются невиданного зверя, боятся к нему приблизиться: не кусается ли? «Господа, не бойтесь,— говорит по-французски поводырь диковинного зверька.— Он добрый. Он не кусается. Его можно погладить. Он послушный. Он ОБЕИССАН».

— Обеиссан! Обеиссан! — весело говорят друг другу придворные бояре и осторожно гладят зверька. Он на самом деле совсем «обеиссан». И вот французское слово «обеиссан» порхает по царским расписным хоромам, переходит из уст в уста, пока французское «обеиссан» не превращается в русское «обезьян». Он хороший. Он не кусается. Он послушный. Он обезьяна.

«Начальнику экспериментальной группы
от рабочего Разгудаева Ю. С.
Объяснительная

Я, Разгудаев Ю. С., с 5.XI. по 10.XI. совершил прогул ввиду того, что провожая товарища на поезд, я сам вместе с ним уехал, потому что уснул в вагоне. Приехав туда, мне ничего не оставалось делать, как праздник встречать у него.

Вернувшись обратно 11.XI. вечером, я попал на свадьбу и с 12.XI. по 20.XI. пропивал их.

23.XI. меня вызвали в домоуправление. Освободившись в 9 часов утра, я решил поправить голову, ну и поправил до 25.XI. числа.

Разгудаев».

Копию снял Д. Грубман, г. Пермь.

«Объяснительная

Я, Крыловский Н. Д., опоздал на двадцать минут. Подвел будильник. Уронил кот. Больше этого не будет».

(Из объяснительной записки рабочего завода «Спецмашдеталь»)

Прислала М. Шайдорова, Кемеровская область.

«Вечернее (сменное) профессионально-техническое училище № 3 напоминает предприятиям, что прием заявок на 1971 год производится до 25 декабря. Училище готовит работников с сосудами под давлением...»

(Газета «Советская Латвия»)

КРУГОМ ЛЮБОВЬ...

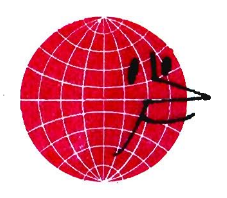
В КИНОТЕАТРЕ «ПЛАНЕТА»

Сегодня в большом зале «Красота любви»; в малом зале «Сезон любви».

В КИНОТЕАТРЕ «ОРБИТА»

Сегодня — «Город первой любви»; «Возраст любви».

(Газета «Люберецкая правда»)

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Радой РАЛИН (Болгария)

ГАМЛЕТОВСКИЕ МУКИ

Быть иль не быть? Меня опять
Известный тот вопрос
тревожит.
То ль в жизни откровенным
стать?
То ль лучше быть
тактичным все же?

ЖЕРТВА ИСКУССТВА

Художник тему брал всегда одну:
На всех полотнах рисовал жену.
И все ж не скучно
их смотреть подряд,
Поскольку восемь раз
он был женат.

Энрике Хардиэл ПОНСЕЛА (Куба)

Афоризмы

История и философия имеют следующее различие: история рассказывает о вещах, которых никто не знает, словами, которые знают все, в то время как философия повествует о вещах, всем известных, словами, которых никто не знает.

* * *

Спиритизм был изобретен для того, чтобы врачи могли беседовать со своими пациентами.

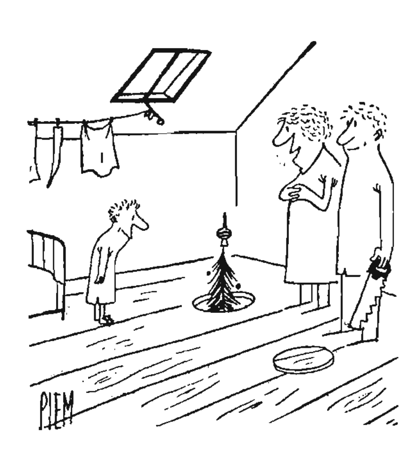
* * *

Самопожертвование — чувство, которое кажется замечательным у других.

* * *

Мужчина размышляет, а женщина дает ему повод для этого.

(Из журнала «Паланте».)

— Эти Рокфеллеры снизу подумали и о нас.

«Фигаро», Франция.

Джанни ФИНЛАНДИЯ (Италия)

НЕ ГОДЕН

Не успел я войти в помещение призывной комиссии, как какой-то офицер рявкнул:

— Не считай ворон! Раздевайся! Быстро!

Конечно, я разделся и встал в хвосте очереди таких же, как я, голых мужчин. Когда подошла моя очередь, врач принялся рассматривать мое лицо: возможно, он изучал мой слегка искривленный нос или мои близорукие глаза.

— Астигматик?

— Нет, католик,— ответил я не колеблясь.

Позади меня раздался смех.

— Ничего смешного! — рявкнул доктор.— Должно быть, хочешь получить гауптвахту?

Интересно, что это за штука...

— Вы очень любезны, доктор, но дома мне некуда ее поставить. Мы так тесно живем.

Наверное, мой отказ очень обидел его, потому что он вскочил из-за стола совершенно взбешенный. К счастью, мне приказали подойти к соседнему столику. Я повиновался. Мне начали задавать вопросы:

— Умеете читать и писать?

— Что за вопрос!

Удар по столу.

— Никаких «что за вопрос»! Отвечайте: да или нет?

— Да или нет,— ответил я, решив в дальнейшем выполнять все, что мне ни скажут.

— А теперь я буду говорить тебе разные слова, а ты мне слова, противоположные по значению. Понял?

— Понял,— ответил я.

— Итак, начнем. Горячий.

— Холодный.

— Белый.

— Черный.

— Хорошо, иди.

— Плохо, стой.

— Абсолютно негоден!

— Годен частично.

— Вон отсюда!

— Подойди ближе.

— Довольно!

— Продолжай.

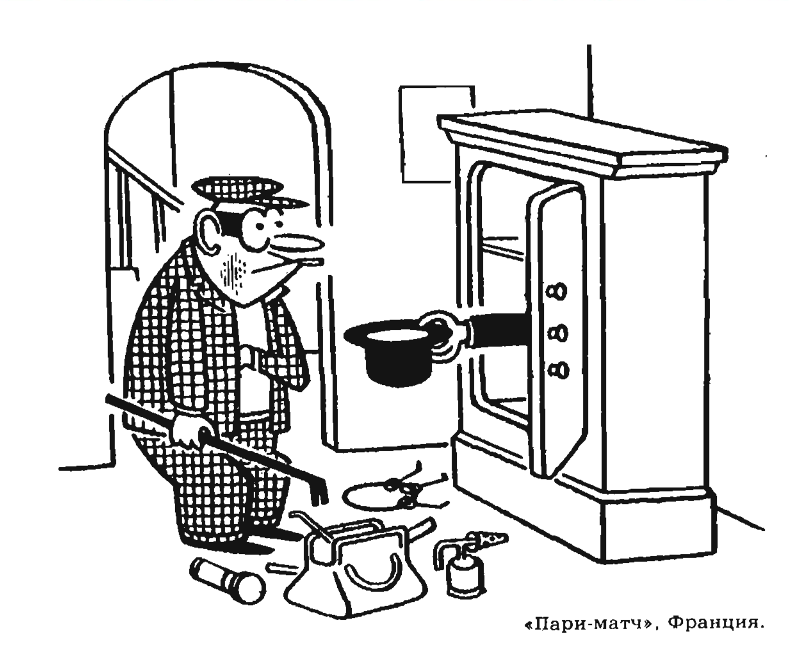
— Идиот!

— Умный.

— Уведите же его отсюда раз и навсегда!

И пока я искал в памяти выражение, противоположное этому, два солдата схватили меня за руки и вывели в раздевалку.

Из окошка мне протянули справку. Я был поражен. Справка гласила: «Полное освобождение от воинской службы. Абсолютно негоден. Статья 17, пункт В. Умственная неполноценность».

«Пари-матч», Франция.

ОТЕЦ. Ты забыл, что я запретил тебе играть со спичками?!
СЫН. Я и не играю. Я хочу прикурить.

— На что ты обычно споришь с женой, Джон?
— Преимущественно на поцелуй, но иногда мы повышаем ставку до одного пенса.

●

— Можно ли доверить тайну Мюллеру?
— Вполне! Пять лет назад ему повысили зарплату, а его жена и сейчас еще не знает об этом.

●

●

— Мне нравится ваша дочь, сэр. Как бы видеться с ней почаще?
— Одолжите мне три фунта, тогда сможете приходить за ними целый год.

●

— В своей врачебной деятельности я только однажды допустил ошибку.
— Какую же?
— Вылечил миллионера за два визита, не зная, что он миллионер.

●

На бывшем необитаемом острове.
«Пари-матч», Франция.

КРОКОДИЛ

№ 4 (1979)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали Д. Агаев, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Каневский, Г. Коровкин, Н. Корягин, И. Норинский, В. Сафонов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

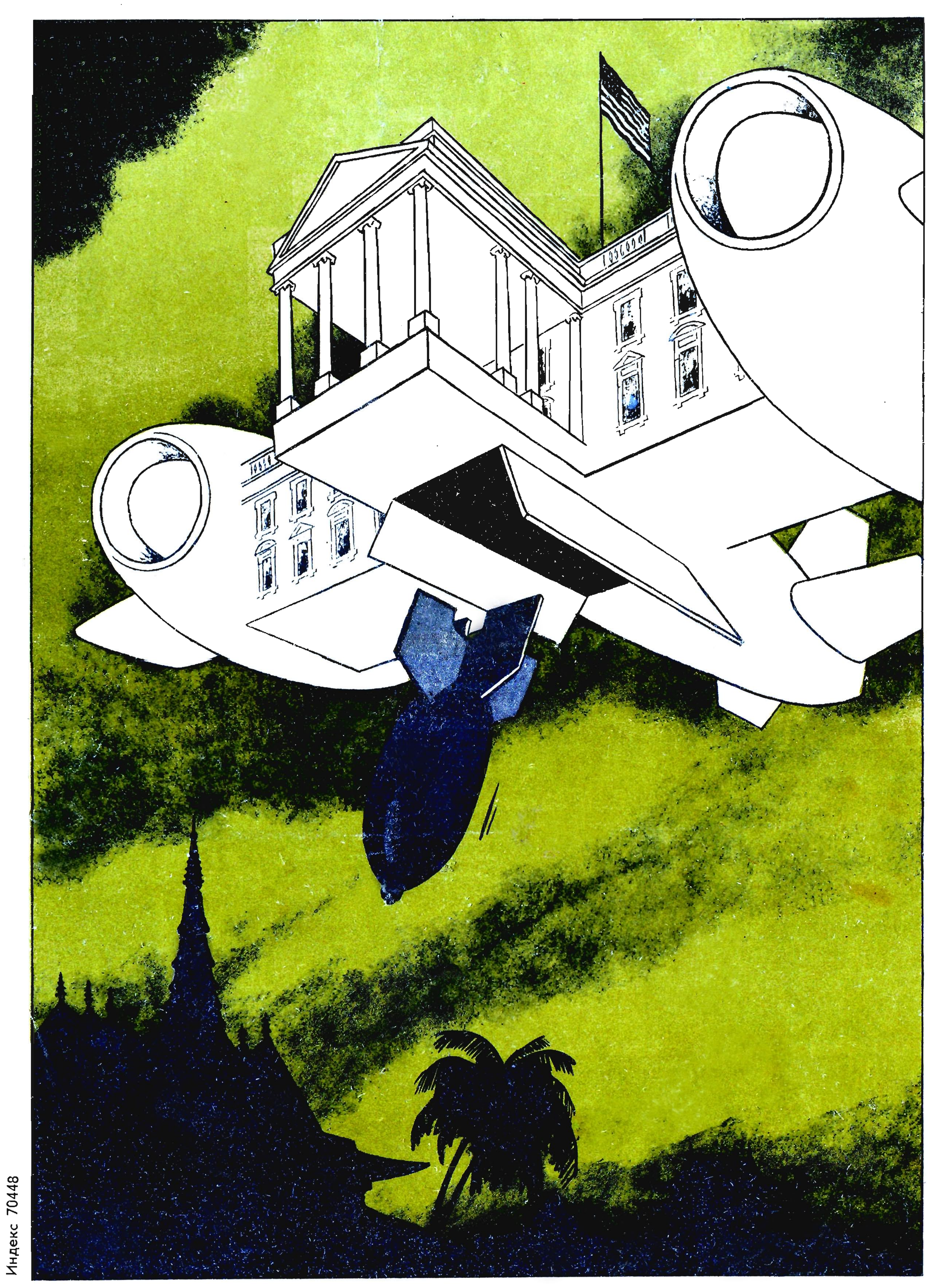
Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/II 1971 г. А 00517. Подписано к печати 9/II 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 679 401—5 000 000) Заказ № 1294
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

БЕЛОГО ДОМА

Рисунок Г. КОРОВКИНА

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448